

Талантливый детектив

Марта Таро

**КИНЖАЛ
С МАЛЬТИЙСКИМ
КРЕСТОМ**

Галантный детектив

Марта Таро

Кинжал с мальтийским крестом

«ВЕЧЕ»

2016

Таро М.

Кинжал с мальтийским крестом / М. Таро — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Галантный детектив)

ISBN 978-5-4444-8607-8

1826 год. Графиня Любовь Чернышёва обожает музыку и поэзию, а ещё она искренне верит в прекрасную сущность людей. Подражая Татьяне Лариной, она пишет любовное послание князю Александру Шварценбергу, вот только признание застаёт её избранника врасплох. Тяжкое объяснение, неудачно подобранные слова – и в ту же ночь юная графиня убегает из дома. Но беда не приходит одна: мать Александра находят заколотой принадлежащим князю кинжалом с мальтийским крестом. За расследование преступления берётся капитан Щеглов, но сумеет ли он доказать невиновность князя? «Кинжал с мальтийским крестом» – третий роман Марты Таро из уже любимшегося читателям увлекательного цикла «Галантный детектив», в котором читателей ждёт новое тайное послание карт Таро.

ISBN 978-5-4444-8607-8

© Таро М., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава первая. Отчаяние	6
Глава вторая. Настоящий друг	9
Глава третья. Неубиваемый аргумент	15
Глава четвёртая. Завещание князя Шварценберга	19
Глава пятая. Прекрасный рыцарь	26
Глава шестая. Юлия Самойлова	32
Глава седьмая. Бал в Благородном собрании	40
Глава восьмая. «Письмо Татьяны»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марта Таро

Кинжал с мальтийским крестом

© Таро М., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Глава первая. Отчаяние

Москва

20 декабря 1826 г.

Ну вот и всё! Ничего уже не исправить...

Душа как будто оцепенела. Странно, но Александр не чувствовал ни ужаса, ни боли, даже горю и то не нашлось места в его сердце. Их заслонило одно-единственное чувство: вечная обида нелюбимого ребёнка, так и не дождавшегося признания матери. Он раздражал её в детстве, а когда вырос, всё стало ещё хуже. Мать так и не поняла его, не оценила...

Александр застыл у дверей спальни – ноги просто не шли дальше. Под прицелом острых, недоверчивых глаз он не решался подойти к постели. Ему хватило того, что было видно изда-лека: баронессу Евдоксию закололи кинжалом, причём фамильным – с мальтийским крестом на рукоятке. Что это? Намёк?.. Возможно... Этот кинжал – символ власти старшего в роду Шварценбергов – Александр получил совсем недавно, одновременно с княжеским титулом и наследством своего дяди. Кто-то хочет сказать, что он – никчёмный глава семьи? Ну а как же иначе, если не смог защитить собственную мать?!

Полицейский капитан с говорящей фамилией Свинын и маленький кривоногий доктор в круглых очках буднично рассуждали о причинах смерти баронессы. Они бойко чесали языками и демонстративно «не замечали» сына убитой. Александра это задело. Что за ерунда? Кого они тут изображают и кем выставляют его?.. Впрочем, он и сам хорош, даже не смог понять смысла их разговора. Титаническим усилием воли Александр собрал своё растекшееся в кисель сознание и наострил уши. Доктор рассказывал Свиныну, что удар был один, но зато его нанесли с близкого расстояния и очень точно – прямо в сердце. От этих подробностей стало совсем тошно, и Александр всё-таки сдался – решил, что ему лучше уйти, но тут заговорил капитан:

– Как вы думаете, она сопротивлялась?

Ответ доктора был однозначным:

– Я не нашёл здесь следов борьбы: убитая лежит в спокойной позе, на её руках не осталось никаких отметин, её не удерживали. Эта дама либо спала и проснулась только в тот момент, когда убийца наклонился над ней, либо знала преступника и не опасалась его.

– Так это же меняет дело! – обрадовался Свинын. – Давайте-ка уточним: вы считаете, что жертва хорошо знала своего убийцу и не боялась его, поэтому и не оказала никакого сопротивления?

– Да-с, именно так...

– Ну что же, ваша светлость! – Оказывается, капитан очень даже замечал стоящего в дверях Шварценберга, поскольку сейчас впери́л в его лицо строгий взгляд. – Как я и подозревал, убийца – член вашего благородного семейства. Прошу вас возвратиться в гостиную, будем снимать показания.

Похоже, что Свинын уже нашёл виноватых, и ясно как божий день, что козлом отпущения он сделает кого-то из немногочисленной княжеской родни. Так что же, позволить ему это? Не чувствуя ног, Александр шагнул вперёд. Слава богу, не рухнул. Шаг... ещё шаг... Он не понимал, что с ним творится: краски в полутёмной комнате вдруг стали яркими, как при июльском солнце, он видел мельчайшие и совершенно ненужные детали окружавшего его пространства: пылинки в луче света, паутину трещин в углу старинной рамы и красноватые жилки на щеках и носу полицейского. Разбушевались и запахи: аромат лавандовых саше из раскрытых настёж шкафов, затхлость, вонь застарелого перегара от Свинына, но всё это перебивал жуткий дух спёкшейся крови. Александр ужаснулся... Только не спасовать! Он просто не мог

позволить себе растеряться. Только не сейчас, когда его жизнь летит в тартарары! Он потом разберётся в своих чувствах, а пока надо хотя бы понять, как это случилось. Стараясь, чтобы голос звучал ровно, Шварценберг попросил:

– Я вернусь в гостиную, и вы, если угодно, сможете продолжить свой допрос, но пока позвольте мне остаться наедине с матерью.

Александр замер у постели. Боковым зрением он успел заметить сочувствие, мелькнувшее на лице коротышки-доктора, и победную усмешку капитана, но всё это тут же стало неважным. В кровати, запрокинув голову на высоко взбитые подушки, лежала мать, и, если бы не залитая кровью сорочка, можно было бы подумать, что она отдыхает. Доктор уже вынул из её груди кинжал, и тот лежал на покрывале рядом с телом. Александр еле узнал золотую рукоятку с восьмиконечным мальтийским крестом. Белая эмаль, обычно такая броская на золотом фоне, сейчас померкла под ржавыми мазками свернувшейся крови, а сам клинок по рукоять сделался бурым.

Свиньин демонстративно пролез между Шваценбергом и постелью.

– Кинжал я забираю как вещественное доказательство, – заявил он.

Александр не шелохнулся. Он смотрел на мать. Глаза её были открыты, а на лице застыло удивление. Ни страха, ни ужаса, ни отчаяния – в остекленевших глазах стояло недоумение. Полицейский сказал правду: мать знала убийцу и доверяла ему.

Сзади преувеличенно громко высказался доктор:

– Может, нам оставить его светлость одного? Я свою работу закончил, могу записать выводы и откланяться.

– Ладно, идем вниз, – снизошёл к нуждам простых смертных полицейский и, тоже повысив голос, чтобы Александр осознал, к кому здесь обращаются, добавил: – Ваша светлость, буду ждать вас в гостиной. Сразу предупреждаю, что вы и ваши родственники не должны покидать Москву.

Простучали две пары каблучков, следом хлопнула дверь. Александр остался наедине с матерью, вернее сказать, наедине с её телом. Наверно, он должен закрыть ей глаза и как следует уложить на постели. Запоздалое внимание! Ну почему они так и не смогли найти общий язык, почему не любили друг друга? А теперь уже ничего не изменишь...

– Прости меня, – попросил Александр и, собрав всё своё мужество, прикрыл матери глаза.

Подхватив грузное тело, князь потянул его вниз, укладывая на ровную часть постели. Наставленные друг на друга бесчисленные подушки мешали, и он отбросил их в сторону. Под самой большой, на которую мать до этого опиралась спиной, нашёлся кусочек вышитого батиста с ржавым пятном в центре. Носовой платок! К тому же прекрасно Александру знакомый. Вышитая на уголке буква «А» не оставляла никаких сомнений – платок принадлежал ему самому, и ещё пара дюжин подобных лежала в комодке его спальни. Не далее как вчера Александр точно таким же платком вытер кровь с оцарапанного пальца, когда открывал футляр с ожерельем для Лив.

Лив?.. Нет! Уж она-то никак не может быть связана с этим кошмаром. Ерунда! Глупое совпадение... К тому же на том платке осталась всего пара крохотных пятнышек, а здесь залита кровью вся середина.

Александр с отвращением посмотрел на бурое пятно, и вдруг осознание того, что же подумает капитан Свиньин, найдя этот платок рядом с телом убитой, заставило его вздрогнуть. Измаранный кровью батистовый лоскут не просто так оказался под подушкой. Это была неопровержимая улика, призванная убедить всех, что несчастную баронессу убил её собственный сын.

«Обязательно найдутся доброхоты, слышавшие накануне вечером, как жутко ругала сына мать, как безобразно она орала», – понял Александр. Кинжал принадлежит ему, платок тоже, с матерью он не ладил – всё однозначно било в одну точку.

По коридору процокали железные набойки полицейских сапог. Раздался стук в дверь.

– Ваша светлость! – крикнул заглянувший в комнату городской. – Господин капитан просит вас спуститься.

Александр выпалил первое, что пришло на ум:

– Сейчас! Только распоряджусь насчёт тела...

Полицейского ответ, как видно, устроил: тот кивнул и с готовностью удалился. Сколько осталось времени? Минута-две или того меньше. Хватит, чтобы спасти шею от виселицы? Александр чуть слышно попросил у матери прощения и стал обшаривать постель. Кроме уже найденного платка, подозрительных вещей не оказалось, и он, накрыв тело свежей простыней, вернул подушки на прежнее место. Что теперь? Взгляд скользнул по комнате. Ящики комода раскиданы по полу, дверцы шкафов открыты – спальню тщательно обыскали. По всему выходило, что ему откровенно повезло: дожидаясь приезда доктора, полицейские не стали копаться в постели и не нашли столь важную улику.

Но что же это получается? Убийца матери и впрямь хотел навести подозрение на сына?.. Но почему, и кто этот человек?.. Или их несколько?.. Зря Свиньин говорит только о членах семьи, ведь в доме есть и слуги – те, кого баронесса уж точно никогда не боялась.

Может, это грабеж? У матери ещё оставались деньги, да и драгоценности Шварценбергов считались довольно ценными. Одно жемчужное ожерелье в шесть рядов, которое баронесса Евдоксия носила постоянно, чего стоило!

«Где она могла хранить украшения? Наверно, здесь – в спальне, – рассудил Александр и вдруг увидел на каминной полке выставленные в рядок шкатулки и футляры. – Наверно, полицейские снесли их все в одно место».

Первым бросился в глаза пустой ларец от кинжала. Жуткая ирония судьбы: символ рода Шварценбергов убил одну из них! Кто же так ненавидел баронессу и его самого, раз мать лишил жизни, а вину хотел свалить на сына?

Нельзя отвлекаться, время-то уходит, зашептал в душе страх.

Александр кинулся открывать крышки. Он перетряс все шкатулки, ларцы и футляры. Не было ни украшений, ни денег. Надежда сменилась отчаянием. Он со злостью отшвырнул последний из футляров – удлинённый, обитый зелёным бархатом – и уже было шагнул к двери, как вдруг понял, что рука саднит: бронзовая защёлка глубоко оцарапала кожу.

– Да что же это? – пробормотал он.

От ужаса задержалось веко. Александр вновь поднял футляр, но в этом уже не было нужды – глаза его не обманули. Какой смысл отрицать очевидное? Он держал в руках нарядную бархатную коробочку от того самого ожерелья, которое вчера подарил своей юной кузине. Значит, Лив всё-таки сюда приходила. Но когда и зачем?.. И самое главное – что она здесь делала?

Глава вторая. Настоящий друг

Москва

Ноябрь 1826 г.

Что же ей теперь делать?.. Любочка Чернышёва, или, если угодно, Лив, как на английский манер называли её в семье, постаралась отогнать чёрные мысли. Тоска заедала её с самого утра. За окном бесилась непогода: ветер ломился в окна, по-волчьи завывал в трубах, струи дождя тарабанили по стёклам и мрамору балкона. Как, наверно, страшно сейчас на улице! Лив одну за другой задёрнула шторы – и ненастный вечер как будто исчез, спрятался за складками желудёвого бархата.

«Вот так-то лучше, нечего нас расстраивать», – оценила она.

Однако желаемое и действительное – вещи обычно разные. Это «нас», к огромному сожалению Лив, вовсе не соответствовало действительности и мелькнуло в её мыслях лишь по привычке. На самом деле никакого «нас» больше не было. Совсем наоборот, с недавних пор она стала одинокой как перст. Сколько Лив себя помнила, её – самую младшую в семье графов Чернышёвых – всегда окружали родные лица, но декабрь прошлого года подвёл жирную черту под прежней счастливой жизнью. Сначала за принадлежность к тайному обществу, устроившему в Петербурге восстание двух гвардейских полков, арестовали её старшего брата и опекуна – Владимира. Потом имущество Чернышёвых, вместе с приданным трёх дочерей, реквизируют в казну. Ну а дальше всё и вовсе пошло вразнос. Покинула дом старшая сестра Вера, решившая содержать обедневшее семейство за счёт подаренного ей разорённого поместья. Следом пришёл черёд остальных: мамы, бабушки и сестры Надин. Графиня Чернышёва получила разрешение отправиться в Сибирь за осужденным на три года каторги сыном, её тётка – двоюродная бабушка Лив – Мария Григорьевна Румянцева, выехала к Вере, ожидавшей ребёнка, а Надин помчалась в Одессу за своим молодым мужем. Конечно, Лив искренне радовалась за сестёр, ведь они уже нашли своё счастье, но медаль имела и обратную сторону: родные оставили её одну. Исчезли привычные тепло и забота, а самое главное – ушла любовь, и жить стало на удивление грустно.

Нужно было уехать в Петербург вместе с Кочубеями. Они же звали! Лив в очередной раз пожалела о своем необдуманном отказе. Как же её тогда все уговаривали, а она уперлась. Но ещё месяц назад казалось, что если она уедет, то предаст лорда Джона – своего учителя по вокалу и безоговорочного кумира. Этот белокурый красавец пел ведущие партии в частной опере. Там выступали как признанные звезды мировых сцен, так и любители, единственным, что от них требовалось, были голос и сценический талант. У лорда Джона с избытком хватало и того и другого, и в труппе он считался звездой первой величины. Англичанин давно занимался с младшей из сестёр Чернышёвых. Он очень хвалил Лив и обещал, что скоро займёт в одном из спектаклей. Лив только об этом и мечтала и, чтобы не провалить вожделенный дебют, занималась часами. Тем сильнее оказалось разочарование, когда лорд Джон вдруг объявил, что на три месяца уезжает в Лондон. С дорогой и разными непредвиденными задержками всё это могло растянуться на полгода. А что же теперь делать ей? Единственная причина, державшая Лив в Москве, исчезла, но жалеть об этом теперь было поздно. Она не могла уехать в столицу одна и твёрдо знала, что троюродные тётки, перебравшиеся ради неё в дом Чернышёвых, сами никуда не поедут и её тоже не отпустят.

«Евдоксия даже слышать об этом не захочет, иначе у неё не останется повода, чтобы жить на Тверской, а переезжать во флигель собственного дома – это уж точно ниже её достоинства», – размышляла Лив. Как ни крути, но выхода из западни не просматривалось. Вот ведь угодило – попасть в такой переплёт!

Всё началось с отъезда Надин. Собираясь в Одессу к мужу, сестра выбрала для Лив временную опекуницу – кузину их матери Алину Румянцеву. Жизнь в компании этой доброй и услужливой тётки сулила необременительную заботу и покой, и Лив с лёгким сердцем согласилась на её приезд. Но тут случилось непредвиденное: следом за Алиной в доме появилась её старшая сестра – баронесса Шварценберг. Та приехала в Москву на коронацию Николая I вместе с сыном и считалась гостьей графа Литты, занимая комнаты в его доме. Но коронационные торжества закончились, и Литта отбыл в столицу, разрешив гостям пожить у себя ещё пару недель. Когда же и это время вышло, оборотистая Евдоксия задумала поселиться у Чернышёвых. Родня ведь – куда денутся! Она приехала на Тверскую. Как огромный чёрный корабль, всплыла в гостиную, где коротали вечер Лив и Алина, и, прижав к необъятной груди пухлые руки, заявила, что считает истинно святым долгом опекать «дочку нашей дорогой кузины Софи». Лив растерялась, а Алина стыдливо промолчала, хотя причину такого альтруизма знала отлично: большой дом Румянцевых был сдан внаём на много лет вперёд. Свободным оставался лишь маленький флигель, где до переезда к Чернышёвым обитала сама Алина. Жизнь в такой тесноте баронессе претила, поэтому она заселила во флигель своего единственного сына Александра, а сама с комфортом расположилась на Тверской. На следующий день Евдоксия пошла ещё дальше: она отобрала у младшей сестры деньги, оставленные Надин «на хозяйство», и теперь распоряжалась ими единолично.

Баронесса не стеснялась. По её требованию закупались самые дорогие вина, она велела нанять повара-француза и уже приобрела на Кузнецком Мосту несколько новых платьев. Глядя на это самоуправство, бедняжка Алина обвиняла во всём себя и ужасно страдала.

– Ах, дорогая, я просто не смогла с ней спорить, – чуть не плача, жаловалась она своей подопечной. – И что теперь делать – ума не приложу.

Лив с пониманием кивала: плетью обуха не перешибёшь. Что они обе могли сделать? С баронессой предпочитала не связываться даже мудрая и стойкая Полина Николаевна – средняя из трёх сестёр Румянцевых.

Если б Лив уехала в столицу с Кочубеями, она не докатилась бы до нынешних проблем. Но она сглупила, и теперь ей приходилось расхлебывать плоды собственного упрямства. Но что же теперь делать? Как вырваться из-под гнёта Евдоксии? Был один-единственный способ – написать жалобное письмо Вере. Но на это Лив пойти не могла. У сестры и без неё дел хватало, да и здоровье сейчас было не из лучших... Так что хочешь не хочешь, надо как-то выкручиваться самой.

Лив бросила взгляд на часы и заспешила: пора на ужин. Баронесса терпеть не могла опозданий и сообщала об этом в таких выражениях, что, выслушав их один раз, больше попадаться ей на язык не хотелось.

Лив позвала горничную:

– Саня, неси же быстрее платье!

Саня – пухленькая и голубоглазая, с толстой пшеничной косой – была верной наперсницей и горячей поклонницей Лив. Она искренне считала свою барышню самой доброй и, уж конечно, самой красивой из трёх хозяйских дочерей. Услышав отчаянный крик Лив, горничная оказалась в дверях гардеробной с ножницами в руках.

– На голубом платье оборка оторвалась, сейчас, уже дошиваю, – сообщила она.

– Давай любое другое...

– Ну как же любое?! Ведь барон на ужин приедет. Он-то в дамских нарядах понимает, а вы выйдете в затрапезном платье...

Лив не на шутку рассердилась: опять снова-здорово! Начинался дурацкий разговор, который она просто не могла уже слышать.

– Перестаньте вы наконец меня сватать! – крикнула она горничной. – Сколько можно тебе повторять, что мне нет дела до Александра Шварценберга. Он приезжает в гости к своей матери, вот пусть Евдоксия с ним и любезничает. А я поужинаю и сразу вернусь сюда.

– Как скажете, – надулась Саня и, раскинув руки наподобие вешалки, вынесла из гардеробной светло-зелёное атласное платье. – Это подойдёт?

– Какая разница? Давай скорее...

Помогая хозяйке одеться, Саня обиженно молчала. Хотела показать, насколько Лив не права. Женская прислуга в доме просто умирала от восторга при виде барона Шварценберга. Тот всегда был приветлив и не скупился на доброе слово, а посему вся дворня истово желала, чтобы младшая из барышень вышла замуж за такого достойного кавалера.

Лив вновь глянула на часы и расстроилась – время ужина уже наступило. Придётся теперь выслушивать нотации! Дай бог, чтобы сегодня не было гостей – при свидетелях такая выволочка покажется ещё унижительней.

– Всё, Саня, заканчивай, я и так опоздала, – вырываясь из рук горничной, приказала Лив.

Пулей вылетела она из комнаты и стремглав понеслась по коридору. Ещё поворот, и Лив ступила на лестницу, а потом ринулась вниз, перепрыгивая через ступеньки. Она так разогналась, что на последнем марше даже задела коленом за мраморный пьедестал украшавшей площадку вазы. Боль оказалась нестерпимой. Лив ахнула и, вцепившись в перила, застыла на месте. Даже страшно было представить, что придётся наступить на отбитую ногу.

– Сильно ушиблись? – спросили её.

Лив поняла, что стоит зажмурившись. Она приоткрыла один глаз и повернулась на звук голоса. Из вестибюля на неё с сочувствием взирал Александр Шварценберг. Лив не знала, что ему ответить... Вроде бы боль немного слабеет... Барон поднялся по ступеням и взял её под локоть.

– Опирайтесь на меня, – предложил он.

Лив кивнула, но так и не решилась наступить на пальцы ушибленной ноги.

– Ну же, храбрая девочка, – подбодрил её Александр. – Смелее! Один шагок!

Лив сделала первый шаг и поняла, что сможет идти. Кузен крепко держал её за локоть и медленно шёл по ступеням рядом с ней. Они добрались до вестибюля, и Лив с облегчением поняла, что боль притупилась.

– Спасибо, мне уже легче, – призналась она.

– Я рад, – серьёзно ответил Александр, но лукавая улыбка вмиг растопила эту официальность, когда он предложил: – Тогда вы, может, возьмёте меня под руку? А то мне приходится нагибаться.

Он был прав: локоть у Лив как-то чудно и неудобно задирался вверх. Просто кузен был гораздо выше. Александр согнул руку, она оперлась на неё, и они чинно отправилась ужинать. В столовой их ждал сюрприз: непогода не помешала приехать ещё одной гостье. За столом вместе с сёстрами поджидала опоздавших племянников тётка Полина.

Евдоксия занимала место хозяйки дома, и это в очередной раз покорило Лив. Она всё никак не могла смириться, что теперь вместо её тонкой и хрупкой матери во главе стола восседает массивная, как огромный тёмный шкаф, тётка. В Евдоксии было слишком много чёрного: наряд, глаза, волосы, широкие брови. Она, как видно, и сама это понимала, поскольку сильно белилась. Сейчас на тёткином лице застыла злобная гримаса, а её тирада, обращённая к вошедшим, сильно походила на оскорбление:

– Сколько можно всех просить не опаздывать на ужин? Заставлять других ждать себя за столом – признак дурного воспитания. Кузина Софи оказалась недопустимо снисходительной к своим дочерям, но раз теперь обязанность следить за манерами Лив легла на меня, я позабочусь о том, чтобы нам впредь не пришлось за неё краснеть.

– Маман, вы перегибаете палку, – отозвался Александр, – по-моему, графини Чернышёвы сделали в этом году блестящие партии: Вера стала княгиней Горчаковой, а Надин – княгиней Ордынцевой. Насколько я знаю, супруги моих кузин – люди не только богатые, но и безусловно родовитые. Такие мужчины не стали бы жениться на девушках, чьё воспитание хромает. А что касается Лив, то я уверен: она сделает ещё более удачную партию, ведь она – самая красивая из трёх сестёр.

Это высказывание оказалось неожиданным и очень лестным.

«Он, верно, шутит», – задумалась Лив. Она незаметно скосила глаза, пытаясь увидеть лицо кузена. Тот казался невозмутимым, словно его слова и не были комплиментом, а так – всего лишь простой констатацией факта.

Через корку белил на лице Евдоксии проступили бурые пятна. Баронесса явно взбесилась, но её сынок не считал нужным обращать на это внимание. Он подвёл Лив к свободному месту рядом с Полиной, а сам уселся напротив. Женщины за столом притихли. Все ожидали бури. К счастью, Алина догадалась погасить уже было вспыхнувший скандал, заведя разговор про общих знакомых:

– Евдокси, ты слышала, что вся Москва осуждает графа Самойлова? Он беспардонно спускает в игорных домах приданое молодой супруги. Все ожидают вмешательства в скандал деда новобрачной – графа Литты.

Баронесса как будто поостыла, по крайней мере, она кивнула слугам, чтобы те подавали блюда, а потом соизволила ответить:

– Я знаю, граф недоволен тем, как ведёт себя муж его внучки. Перед отъездом в столицу Юлий Помпеевич не раз жаловался мне на распутство зятя, более того, он уже не скрывает, что собирается развести Самойловых.

– Это может стать непростительной ошибкой, – вмешался в разговор Александр. – Они – молодожёны и, по-моему, неплохо ладят. Мало ли кто не нравится тестю или свекрови... Не дело старикам лезть в жизнь молодой семьи.

Какая неосторожность! Все в доме знали, что спорить с баронессой Шварценберг недопустимо в принципе, а уж то, что вытворял сейчас Александр, было настоящим безумием. Лив обречённо вздохнула – теперь достанется всем. К сожалению, она не ошиблась.

– Где это ты понабрался такой ереси?! – взорвалась Евдоксия. – Я очень сожалею, что привезла тебя в Россию. Нужно было оставить тебя при венском дворе – там хоть понимают, что такое этикет и как нужно говорить со старшими. Как ты смеешь осуждать решения графа Литты?! Он – друг твоего дяди, к тому же именно Литта представил тебя новому российскому государю, расхвалив, что ты владеешь восемью языками. Ты получил место в Министерстве иностранных дел исключительно по рекомендации графа!

В лице её сына не дрогнула ни одна чётрочка. Голос его остался ровным, а тон подчёркнуто учтивым:

– Места я ещё не получил, оно пока мне только обещано. Что-то вожделенного письма из министерства до сих пор нет... К тому же вы не могли оставить меня при венском дворе, поскольку я не хотел больше там находиться. Император Франц уморил уже трёх жен, а собственного наследника довёл до полного умственного расстройства. Если это называется «следовать этикету», то уж лучше как-нибудь обойтись без него. Но я думаю, что этот вопрос, кроме нас с вами, никому не интересен, и предлагаю переменить тему. Сегодня у княгини Зинаиды провожают в столицу Веневитинова, он в последний раз будет декламировать, и хозяйка выбрала для этого стихи Пушкина. Если угодно, я готов сопровождать вас всех после ужина на вечер к соседке.

Лив прикусила язык. Она боялась, что, если хотя бы намекнёт, что хочет попасть к княгине Волконской, Евдоксия сразу же ей откажет. Лив даже уронила руку на колени и, затаив дыхание, скрестила под скатертью пальцы, надеясь, что ей повезёт. Тётки молчали, как видно,

никто из них в гости не рвался. Значит, придётся выкручиваться самой. Лив вытянула под столом ногу и легко наступила на кончик ботинка Полины. Тётка с удивлением глянула на неё, а потом, сообразив, что к чему, робко заметила:

– Мне бы хотелось послушать Пушкина. Его книги дороги, я видела их в лавке: там тоненькая брошюрка – одна глава его романа в стихах – стоит пять рублей. Мне это не по карману.

– Тётушка, вы угадали, – откликнулся Александр. – Княгиня Зинаида пообещала, что сегодня будут читать «Евгения Онегина». К тому же она приготовила и третью главу, которой ещё нет в продаже.

– Нужно пойти, – решила Полина. – Давайте скорее доедим и отправимся. Не хотелось бы пропустить начало.

Последнее слово, как всегда, принадлежало баронессе. Та скривилась, но всё-таки снизошла и разрешила:

– Стихи – легкомысленная блажь, но если вам они так нравятся, то идите, слушайте. Да и вообще, у меня голова болит, я отдохну без вас. Полежу в тишине.

Молчавшая до сих пор Алина переменялась в лице: заявленная «болезнь» могла растянуться на неделю, а то и больше. В таких случаях роль сиделки и по совместительству прислуги доставалась именно ей.

– Я останусь при тебе, Евдокси, – заявила она и пристально взгляделась в лицо баронессы: – И впрямь, у тебя кровь в голову бросилась, глаза налились. Тебе нужно поскорее лечь, а я могу посидеть рядом.

– Да что ты? Так заметно? – испугалась Евдоксия. – Мне совсем нельзя раздражаться, а кругом столько беспорядка, что невозможно оставаться спокойной.

Она поднялась из-за стола, велела лакею принести в её спальню чай с мятой, и выплыла из столовой.

– Идите скорее, пока она не передумала, – заговорщицки улыбнулась Алина, – а я пойду её ублажать.

Лив испугалась, что Александр может обидеться за столь непочтительные слова в адрес его матери, но барон лишь рассмеялся.

– Ну что, дамы, вам нужно переодеться? – поинтересовался он.

– Нет, мы наденем тальмы – и всё, – решила Полина. Она повернулась к Лив и уточнила: – Ты как, готова?

– Конечно, тётя!

– Раз так, то поспешим, – поторопил Александр, – мы же не хотим слушать роман «Евгений Онегин», начиная с третьей главы.

Дом Чернышёвых, где сейчас вместе с Лив обитали её тётки, граничил с усадьбой Белосельских-Белозерских. Там жила и давала свои знаменитые приёмы старшая дочь хозяев – княгиня Волконская. Выйдя на Тверскую, Александр повел своих дам к дверям соседнего дворца. Судя по обилию запрудивших улицу экипажей, в гости к княгине прибыло чуть ли не всё московское общество. Неприятно поражённая Полина обсуждала это нашествие с племянником, а её подопечная шла молча. Лив хватало надёжной руки и звучащего рядом низкого голоса. Кузен сегодня поразил её воображение: он оказался первым мужчиной, сказавшим, что Лив прекрасна. Более того, он даже посчитал её самой красивой из сестёр.

Александр так много видел, объехал всю Европу, а её выделил, хотя она для него – обычная провинциальная барышня. Это казалось таким удивительным, да к тому же кузен был обворожительно любезен. «Он – замечательный человек и самый настоящий друг», – наконец-то признала Лив. На тёплый взгляд барона она ответила нежной улыбкой и прошла в вестибюль вслед за тёткой. Здесь оказалось так многолюдно, что Александру пришлось долго лавировать, прежде чем он вывел своих дам к лестнице.

– Подозреваю, что в гостиной сегодня яблоку негде упасть, – заметил он и попросил: – Держитесь рядом, не отставайте.

Глава третья. Неубиваемый аргумент

В мраморной гостиной княгини Волконской гости устроили настоящий затор, и вновь прибывшие, чтобы поздороваться с хозяйкой, выстроились в длинную очередь. Александр уже пожалел, что затеял нынешний визит, но, посмотрев на оживлённые лица своих спутниц, понял, что согласен и потерпеть, лишь бы доставить бедняжкам удовольствие. Сказать по чести, он понимал это как свой долг, ведь и Лив, и тётки не по своей воле попали в когти его матери.

Сам Александр воевал с ней постоянно. Евдоксия искренне считала, будто все вокруг должны поступать лишь так, как хочется ей, и при этом сын не мог вспомнить случая, когда бы мать осталась им довольна. Баронесса всегда смотрела на него с осуждением, а часто и с омерзением: он не так ел, не так ходил, не то думал и говорил.

Раньше лицо матери было худым, таким же, как у её младшей сестры Алины, потом оно расплылось и стало бесформенным, но его привычное выражение – злобная гримаса – всегда оставалось неизменным. Александр часто задавал себе один и тот же вопрос: любила ли его мать хоть когда-нибудь? И так ни разу и не смог ответить на него положительно. Зато его обожали отец и дядя, и в чувствах этих двух мужчин он никогда не сомневался. Но ведь всегда же хочется невозможного. Вот и Александру хотелось, чтобы мать наконец-то «прозрела». Если бы Евдоксия хоть раз удосужилась похвалить общепризнанные таланты своего сына, которыми восхищались при всех европейских дворах, Александр посчитал бы это настоящим счастьем. Но, к сожалению, подобное баронессе Шварценберг и в голову не приходило.

Александр уже давно понял, что стояло за демаршем матери с заселением в дом Чернышёвых. Она хотела продемонстрировать сыну, что он – бессовестный скареда, не способный обеспечить «больной» матери достойную жизнь. Проще говоря, всё сводилось к деньгам. По завещанию покойного барона Шварценберга его имущество отошло к единственному сыну, и теперь Александр сам распоряжался доходами с имений. Он старался по мере возможности потакать желаниям матери, но та требовала всё больше и больше, считая оскорблением любые ограничения. Александр быстро обнаружил, что никаких доходов на это не хватит и попытался как-то объяснить. Однако мать предложила ему попросить денег у дяди – приора Мальтийского ордена в Богемии.

– Что значит, нет денег? Твой отец всегда в таких случаях обращался к главе рода. Пришла твоя очередь написать дяде, – заявила она.

Попрошайничать Александр не собирался, и теперь мать вела себя так, как будто они стали врагами. Сам он в этом противостоянии капитулировать отказывался, жалко было лишь ни в чём не повинных тёток и юную Лив, угодивших под железную пятау баронессы Шварценберг.

Александр вдруг обнаружил, что, погрузившись в свои мысли, давно молчит. Это было неучтиво по отношению к спутницам, но те и не роптали, а наоборот, выглядели очень довольными. Тётка Полина, так не похожая на своих сестёр русыми волосами и тонкими чертами миловидного лица, с мягкой улыбкой поглядывала по сторонам, а Лив сияла, как ребёнок.

«Так она и есть ребёнок», – вдруг понял Александр. Нежна и трогательна. В Лив нет ни силы, ни жёсткости, и, пользуясь её деликатностью, его жестокосердная мамаша станет притеснять бедняжку, вымещая на ней свою злость.

Но что он мог поделать? Идти на поводу у матери и кланчить деньги у князя Иоганна? До этого Александр унижаться не мог, он слишком уважал себя и так же сильно дорожил мнением дяди. Значит, оставалось терпеть. Самое интересное, что доходы от имений оказались отнюдь не маленькими. Но он-то понимал, что должен вкладывать большую часть в восстановление давно запущенного хозяйства, а вот мать даже и слышать об этом не хотела. Александр

искренне сочувствовал отцу, прожившему в этом аду более двадцати лет, и понял дядю, когда тот однажды в сердцах сказал, что очень ошибся, выбрав невесту младшему брату в семье графа Румянцева. Но теперь-то какой смысл сожалеть?! Оставалось лишь гнуть свою линию и при этом защищать тёток и юную кузину от деспотизма Евдоксии...

...Они наконец-то смогли приблизиться к хозяйке дома. Княгиня Зинаида нежно поцеловала Лив, тепло пожала руку Полине и, обернувшись к Александру, поинтересовалась:

– Ну а вас мы когда проводим к новому месту службы? Веневитинов уезжает завтра, он станет вашим коллегой – будет служить в Министерстве иностранных дел по Азиатскому департаменту.

– Я рад за него, ваша светлость, но обо мне пока говорить преждевременно, в министерстве не спешат с вызовом, – отозвался Александр и поспешил увести разговор с неприятной для него темы. – Веневитинов будет читать нам Пушкина, а что же сам автор? Не приедет?

Княгиня лукаво улыбнулась и открыла секрет:

– Пушкин пока больше ничего и нигде читать не будет, дабы не сердить двор. Государь пожелал быть его цензором, а Пушкин, похоже, чего-то недопонял. Недавно он читал у Веневитинова свою новую трагедию «Борис Годунов», так это мгновенно стало известно – пришло неприятнейшее письмо от шефа жандармов. Я хочу, чтобы сегодня прозвучала и третья глава романа, а она ещё не прошла цензуру, поэтому сам автор наш вечер пропустит. Вы садитесь, а то уже пора начинать.

Александр огляделся по сторонам в поисках свободных мест и увидел у дальней стены два пустых кресла.

– Пойдемте скорее, – поторопил он своих дам, – не дай бог, придётся стоять.

Быстро лавируя между гостями, он провёл спутниц к нужным креслам. Усадив их, встал рядом с Лив. Хозяйка заняла место за большим овальным столом и попросила внимания. Шум голосов стих, все взоры обратились на поднявшегося чтеца. Веневитинов взял в руки тоненькую книжечку в бледной обложке и начал декламировать. Александр уже несколько раз перечитал недавно купленные главы «Евгения Онегина». Это оказалось наслаждением: слова были так просты и точны, что он сразу же запомнил наизусть многие строфы и сейчас мысленно повторял их вместе с чтецом. Шварценберг покосился на своих дам и увидел, что не он один произносит волшебные строки – юная кузина чуть заметно шевелила губами. Это смотрелось так трогательно.

«Интересно, что может нравиться такой молоденькой девушке в стихах, воспевающих жизнь светского щёголя? Нужно будет порасспросить Лив».

За раздумьями Шварценберг не заметил, как закончилась первая глава. Веневитинов закрыл последнюю страницу одной брошюры и взял другую.

– Вы читали вторую главу? – тихо спросил Александр, склонившись над плечом кузины.

– Нет, я не смогла её купить.

– Я завтра привезу вам свой экземпляр, – пообещал он и замолчал, ведь голос чтеца зазвучал вновь.

Лив мгновенно обратилась в слух. Теперь Александр мог смело её рассматривать – она ничего вокруг не замечала. Сосредоточенное выражение сделало её лицо взрослее. Исчез трогательный ребёнок, его место заняла девушка: умная, тонкая и... очень красивая. Александр давно обратил внимание на её глаза: светлые и прозрачные, они были вроде бы голубыми, но множество зеленых точек вокруг зрачка делали их похожими на волны морского мелководья – те так же неуловимо меняли цвет. Черные локоны отбрасывали тени на бледные, без румянца щёки, зато чуть приоткрытый рот цвел яркими оттенками коралла. Александр не мог оторвать взгляда от этих губ. Он не сомневался, что дело тут не в помаде, это природа наградила Лив такими красками. Не было ни изогнутого тетивой лука, ни бантика, как у других красоток,

а был чувственный, яркий рот, возможно, даже слишком большой для столь тонкого лица, и этот контраст навевал Шварценбергу столь грешные мысли, что он застыдил.

На подвижном лице Лив одно за другим сменялись чувства: восхищение, сочувствие, сопереживание. Она принимала всё сердцем. Это было так интригующе, что Александр с нетерпением взглянул на часы. Когда же перерыв? Так захотелось поговорить с Лив, понять её... Хотя, может, и не нужно спешить? Скоро чтец доберётся до того места в романе, где появляется главная героиня. Интересно, как её примет Лив?

Наконец этот момент настал, и Александр умилился – на лице его кузины промелькнуло озадаченное выражение.

«Какая прелесть! Она смущается, будто малышка, тайну которой узнали старшие. Она видит в героине себя, – понял Александр. – А ведь и впрямь похожа, даже внешне».

Лив постепенно успокоилась и вновь отдалась очарованию стихов, но глава подошла к концу. Веневитинов получил свою долю аплодисментов и занял место рядом с хозяйкой. Перерыва объявлять не стали. Княгиня выждала паузу, открыла лежащую перед ней тетрадь и предупредила:

– Третью главу буду читать я.

Александр раздобыл для себя список этой части романа, но прочесть ещё не успел. Не выпуская из виду лицо юной кузины, он обратился в слух. Стихотворные диалоги оказались бесподобными. Он наслаждался каждым словом, но не меньшим удовольствием было следить за переживаниями на лице Лив. Как она сочувствовала героине, как мучилась вместе с ней, а когда Зинаида Александровна перешла к письму Татьяны, его кузина даже закусила губу от волнения. Да уж! Только смотреть на этот рот оказалось искушением. Александр даже перестал слушать: он представил, как сам прикусил бы эту коралловую губку.

Сколько ей лет? Восемнадцати явно нет. Фигурка совсем тоненькая, и грудь ещё небольшая. Но угловатость подростка уже исчезла, нет ни одной резкой линии. Лив похожа на статуэтку из мейсенского фарфора. Год-другой, и эта малышка станет настоящей красавицей, а её чудный рот принесет кому-то множество приятных минут.

Александр так увлёкся фривольными размышлениями, что удивился, услышав аплодисменты. Княгиня Волконская закрыла тетрадь. Окрылённая горячим приёмом, хозяйка с улыбкой раскланялась, а потом пригласила всех на ужин. Гости потянулись в столовую. Тётка Полина обратилась к Александру:

– Мне кажется, нам стоит вернуться домой. Мы поужинали. Не надо переедать. – Она обернулась к своей подопечной и уточнила: – Дорогая, ты услышала всё, что хотела?

– Да, тётя, спасибо. Как хорошо, что мы сюда пришли! У господина Пушкина замечательные стихи!

– А что именно вам понравилось? – спросил Александр. – Ведь в этих стихах много иронии, поэт рассказывает нам о циничном, пресыщенном щёголе.

Ответ его изумил:

– Нет, вы не так поняли, – возразила Лив, – герой просто ещё не нашёл себя. Он уже отказался от пустой жизни, впереди у него много хорошего, и он обязательно будет счастлив.

– Вы думаете, что любовь Татьяны пробьёт его панцирь?

– Конечно! Иначе зачем было писать о них?

«Ну что ты на это скажешь? Неубиваемый аргумент!»

В их разговор вмешалась тётка:

– Дай-то бог, чтобы всё у героев хорошо закончилось... Пойдем, Алекс, уже поздно, а мне ещё домой ехать.

– Я доведу вас, – пообещал Шварценберг. Он как раз собирался поговорить с Полиной: хотел понять, можно ли хоть что-нибудь для неё сделать. Что же касается Лив, то ей он задум-

мал подарить свои экземпляры глав прочитанного сегодня романа. Девушка искренне любила поэзию и должна была найти в ней отдушину.

Надо же, какая прелесть, «герой просто ещё не нашёл себя». Такая вера в совершенство мира бывает лишь в юности, да к тому же только у барышень. Но когда Лив встретит собственного героя, она сразу же растеряет все свои иллюзии, а с таким чувственным ртом долго этого ждать не придётся.

Глава четвёртая. Завещание князя Шварценберга

Сколько же ещё ждать? Вопрос баронессы Евдоксии относился к календарю. Она хотела понять, сколько дней осталось до начала следующего месяца – именно тогда Алекс выдаст ей деньги. Баронесса пребывала в сквернейшем расположении духа. Это было не ново: раздражение не покидало её с того самого дня, когда она узнала о последней воле предателя-мужа. За нежность, верность и преданность этот мерзавец отплатил ей чёрной неблагодарностью: имя жены он упомянул в завещании лишь однажды, поручив супругу заботам сына. А всё, чем он мог распорядиться сам, барон оставил Алексу. Муж прекрасно знал, что их сын со временем унаследует титул и огромные богатства дяди, и мог бы поступить по-человечески, обеспечив жену, но этот неблагодарный мужлан обошёлся с Евдоксией, как с пустым местом. Сын же вырос на редкость упрямым и несговорчивым. По характеру с ним мог сравниться только князь Иоганн. Деверь сильно напоминал баронессе ту самую скалу, на которой стоял его замок. Он был суров и беспощаден, а его решения считались законом для каждого из членов семьи. В своё время Евдоксия быстро научилась вертеть собственным мужем, но связываться с его братом не решалась никогда.

«Алекс совсем обнаглел, – вспомнив разговор с сыном, расстроилась она. – Надо положить конец этим фокусам. Что значит получать деньги первого числа каждого месяца? Да этой подачки не хватит даже на несколько дней!»

Причин для беспокойства хватало: у Евдоксии имелась одна «маленькая» слабость – она играла. Так что денег, выдаваемых сыном, теперь катастрофически не хватало. При жизни мужа ей было достаточно одного сурового взгляда, и все вопросы решались сами собой, но с сыном этот номер не проходил: мальчишка делал вид, что не замечает её обид.

Интересно, Алина ничего не припрятала из денег Чернышёвых? Евдоксия и сама знала, что это невозможно. Младшая сестра была такой безответной тихоней, что не решилась бы ей перечить. Конечно, та отдала всё.

Алина так старалась всем услужить, так хотела оказаться полезной, что от привычки постоянно заглядывать домашним в глаза вечно сутулилась и выглядела плюгавой. Баронессе всегда льстило, что так похожая на неё крупными чертами, длинным ртом и яркостью чёрных бровей Алина внешне сильно ей проигрывала. Однако собственной красотой сыт не будешь, а деньги-то уже кончались. На что они теперь станут жить? Как сказать, что денег, оставленных Чернышёвыми на год, больше нет? Да у Евдоксии просто язык не повернётся. Надо сегодня же выколотить из Алекса приличную сумму!

«Придётся предъявить Алексу ультиматум», – размышляла Евдоксия. Она принесла мужу большое приданое – пусть сын вернёт ей то, что она отдала Шварценбергам.

Принятое решение даже улучшило баронессе настроение, она даже соизволила улыбнуться младшей сестре, робко заглянувшей в её спальню.

– Чего тебе, Алина? Заходи, не стесняйся.

– Извини, Евдокси, я пришла за помощью, – смутилась сестра.

– Что-то случилось?

– Нет, не беспокойся, пожалуйста! Ничего плохого. Просто в гостиной сидит офицер, он хочет встретиться со мной. Ты не составишь мне компанию?

– Да ради бога. Мне нетрудно, – согласилась Евдоксия и уточнила: – А что ему нужно, ты знаешь?

– Мне передали, что он приехал по поручению Надин, наверно, привёз письмо. Я не знаю, о чём он ещё хочет поговорить.

Баронесса даже развеселилась:

– Алина, ты по-прежнему боишься мужчин?! В тридцать шесть это уже становится неприличным. Вместо того чтобы презирать это баранье сословие, ты трепещешь перед ним. Мне за тебя стыдно!

– Не сердись, дорогая, – засуетилась Алина, – я не то чтобы боюсь, я просто не очень уверенно себя чувствую. Ты уж поговори с ним сама, узнай, что ему от меня нужно.

– Ладно! Тебя уже всё равно не исправить, – вздохнула баронесса и поднялась.

Сёстры направились к парадной гостиной. Евдокия неспешно плыла, а Алина то отставала, то забегала вперёд, явно смущённая визитом неизвестного офицера.

«Может, найти бедняжке мужа? Это надо же, так переживать из-за встречи с мужчиной», – снисходительно размышляла по пути баронесса. Эта мысль показалась ей занятой, и Евдокия даже прикинула, кого бы подобрать на роль жениха немолодой и бедной Алины. Но подходящее имя так и не пришло ей на ум. Лакей почтительно отворил перед дамами дверь, и они вошли в гостиную. С дивана поднялся невысокий молодой офицер самой заурядной наружности. Единственной заметной деталью его облика был морской мундир. Визитёр поклонился:

– Добрый день, сударыни! Меня зовут Афанасий Паньков. Я привёз для графини Румянцевой письмо и деньги от княгини Надежды Ордынцевой. Прошу сообщить, кто из вас является Александрой Николаевной.

– Мы – родные сёстры, вы можете передать всё любой из нас, – вмешалась Евдокия, ведь посланец произнёс заветное слово: «деньги»! Но не тут-то было – порученец упёрся:

– Простите, мадам, я лишь выполняю волю княгини Ордынцевой, а та выразилась однозначно: я должен передать письмо и деньги графине Александре Румянцевой.

– Это я, – выступила вперёд Алина и смущённо пискнула: – Как там Надин?

– Её светлость вместе с мужем отбыла в путешествие, – доложил моряк и протянул Алине конверт. Большой, стянутый чёрным шнурком бархатный кошель он держал наготове, ожидая, пока дама прочтёт письмо.

Евдоксию так и подмывало забрать деньги. Но вдруг моряк не отдаст? Тогда позору не оберешься... Она стиснула зубы, смиряя бушующую внутри злобу. Приходилось ждать, пока её бестолочь-сестра соизволит избавить чужого человека от этой золотой ноши. Алина закончила читать и спросила:

– Надин пишет, что уезжает на долгий срок. Вы знаете, куда они отправились?

– Нет, ваше сиятельство, мне об этом ничего не известно, – отозвался посланец. – Меня только попросили передать письмо и деньги.

– Возьми наконец-то кошелёк, – не выдержала баронесса. – Гость уже устал ждать, пока ты это сделаешь.

– Да, простите, – окончательно смутилась Алина.

Она взяла у моряка увесистый кошель и растерянно оглянулась по сторонам, не зная, куда его положить.

– Давай я подержу, – предложила Евдокия и забрала деньги. Она любезно улыбнулась посетителю и уточнила: – Вы выполнили все поручения нашей племянницы?

– Да, ваше сиятельство. Позвольте откланяться.

Моряк щёлкнул каблуками, склонил рыжеватую голову перед каждой из сестёр и направился к выходу.

– Я провожу вас, – предложила Алина и пошла рядом с гостем.

Да, сестрице явно не хватало мужского внимания. Ей бы опыт Евдокии, тогда бы эта тихоня презирала бы мужчин. Но свою голову на чужие плечи не приставишь, и баронесса, взвесив в руке тяжёленький кошель, мысленно поздравила себя с решением финансовых проблем. Неприятный разговор с сыном откладывался до лучших времён. Прямо-таки подарок судьбы.

В гостиную вернулась Алина, и баронесса взялась за дело – если и ковать железо, так пока горячо.

– Что написала Надин? – поинтересовалась она.

– Просит, чтобы мы заказали Лив новые платья, а через два месяца отправили её в Петербург к графине Кочубей. Та как раз вернётся из Варшавы, куда поехала вместе с мужем.

Только этого Евдоксии и не хватало! Она просто взорвалась:

– С какой стати мы должны отправлять девушку к чужим людям?! Кочубей ей – никто. У нас с ними нет никакого родства, и со стороны отца эта семья ей тоже чужая. Что за блажь? Лив живёт под присмотром в собственном доме, вот пусть здесь и остаётся, пока не вернётся её мать или не приедет бабка, в крайнем случае, замужние сёстры.

– Ты только не волнуйся, Евдокси! Тебе ведь вчера было плохо. Побереги себя. Мы всё сделаем, как ты хочешь! – воскликнула перепуганная Алина.

– Не думаешь ли ты, что я настолько забуду свой долг, что отпущу девушку, доверенную мне её матерью, под надзор чужих людей, причём в столицу, где так много соблазнов?! – распаливая себя, вопила баронесса.

– Что ты, Евдокси! Мы все знаем о твоём верном и благородном сердце. Не нужно так волноваться... Пока будут шить платья, пройдет несколько месяцев, а там тётушка Мария Григорьевна вернётся.

– Я сама займусь этими платьями, – крепко зажав кошелёк, пообещала Евдоксиа. – Я сначала одна съезжу на Кузнецкий Мост, выберу что-нибудь подходящее, а потом и вас возьму с собой.

Алина кивнула: она была согласна на всё. В дверях появился лакей с маленьким подносом в руках. На серебре белел одинокий конверт.

– Ваше сиятельство, только что принесли для вас от графа Литты, – доложил слуга. Евдоксиа взяла письмо. Интересно, зачем это она понадобилась старому итальянскому лису?

Письмецо оказалось коротким – всего в несколько строк:

«Ваше сиятельство, любезная Евдоксиа Николаевна!

Прошу Вас оказать мне честь и прибыть сегодня с визитом в мой дом в любое удобное для Вас время.

Искренне Ваши, Юлий Литта».

– Надеюсь, что всё хорошо, Евдокси? – влезла с расспросами Алина.

Баронесса сразу вспомнила, что кроме письма держит в руках и деньги, а вот их-то нужно было поскорее спрятать.

– Всё прекрасно, – отмахнулась она. – Я прилягу на часок, а потом поеду с визитом к графу.

Алина с облегчением вздохнула. Поддакнула:

– Отдохни, дорогая. Тебе необходим отдых, ты стала очень слаба здоровьем.

Сестра поднялась с намерением проводить Евдоксию до спальни, но в планы баронессы это не входило, и она распорядилась:

– Можешь не ходить за мной, займись лучше Лив. Мать так избаловала её, что никакие платья не помогут найти этой девушке достойного мужа. Озаботься её воспитанием, а я буду решать все остальные вопросы.

Сестра поклялась, что всё сделает как надо, и сбежала из гостиной. Баронесса же отправилась одеваться. Радость играла в её крови, как пузырьки в бокале с шампанским. Жизнь налаживалась! Евдоксиа решила заглянуть на Кузнецкий Мост. Очередное платье она хотела купить для себя, а отнюдь не для глупой девчонки, оказавшейся лишь приложением к вожденным деньгам. Ну а главное, она собиралась узнать, что же всё-таки понадобилось от неё старому интригану Литте.

Граф Литта не садился обедать: он ждал гостью. Юлий Помпеевич слишком хорошо изучил людей, чтобы ошибиться в своих расчётах. Баронесса Шварценберг прибудет с минуты на минуту – эта вечно нуждавшаяся в деньгах женщина не могла не проглотить его наживку.

«А ведь Евдоксия небось забыла, кто рекомендовал её князю Иоганну, когда тот решил поискать невесту для своего брата в России», – размышлял Литта.

Впрочем, развивать эту мысль не хотелось. Сердце до сих пор саднило при одном воспоминании о крушении их великой мечты. Тогда потерявший свою драгоценную Мальту орден госпитальеров поставил всё на русскую карту. Сначала дела шли прекрасно, и мальтийцам даже показалось, что они победили. Император Павел осыпал орден золотым дождём, а всё российское дворянство возжелало стать рыцарями. Однако этому счастью не суждено было продлиться долго: сумасбродного императора убили, а его наследник постепенно упразднил все орденские льготы и синекуры. Пожалуй, Евдоксия Румянцева оказалась одной из немногих, словивших изрядный куш во время краткого романа Мальтийского ордена с Российской империей. Конечно, князь Иоганн «прозрел» вместе со всеми остальными госпитальерами, но отменить уже ничего не смог – его брат успел обвенчаться со старшей дочкой графа Румянцева.

Литта поглядел на часы – гостья опаздывала. От нечего делать он прошёлся по гостиной и остановился перед своим портретом. Он красовался там в пышном парике и орденском плаще с мальтийским крестом. Граф почти равнодушно отметил, что от его прежней красоты ничего не осталось: природа не тронула лишь высокий рост, а всё остальное забрала, будто и не было. Вместо молодцеватой стройности появилась тучность, глаза заплыли, а когда-то волевой подбородок уже и не просматривался за складками жира. Впрочем, Литту его внешность давно не волновала, единственным, что задевало графа за живое, были деньги, власть и любимая внучка.

Юлия – свет в окошке, ребёнок, посланный судьбой на закате жизни. За одну слезинку своей ненаглядной крошки граф готов был убить кого угодно. Жаль только, что это не помогло бы изжить свалившуюся на семью беду. Литта лучше всех понимал, что виноват сам, ведь жениха внучке выбирал именно он, и теперь проклинал тот день, когда решил искать зятя среди наследников Светлейшего: первого человека империи при Екатерине Великой – князя Потемкина-Таврического.

Николай Самойлов – внучатый племянник Светлейшего – показался графу вполне подходящей кандидатурой. Литта встретился с его матерью и нашёл у сей почтенной дамы полное понимание всех выгод этого брака. Жадная и властная старуха обожала деньги, а своих детей держала в таких «железных рукавицах», что им и в страшном сне не могло присниться восстать против воли маменьки.

– Мой Ник будет счастлив просить руки вашей Жюли, – изрекла Самойлова, просмотрев список приданого.

Она оказалась права лишь наполовину, её сынок не только сделал предложение, но и женился, однако тут же сбежал из столицы в Москву, где теперь со скандальным размахом просаживал женино приданое.

Воспоминания о мерзавце Нике растравляли графу душу. «Не хочет жить в семье – не нужно! Пусть вернёт деньги – и катится ко всем чертям! Найдём новую партию, ещё лучше прежней», – размышлял Юлий Помпеевич.

Впрочем, не всё было так просто: деньги деньгами, но требовалось ещё и уговорить Юлию. Та, как все красавицы, увидев равнодушие мужа, задалась целью покорить его и, не получив желаемого, ужасно страдала. Сегодня Литта хотел устроить внучкины сердечные дела. Только действовать он собирался с оглядкой, чтобы на сей раз не прогадать.

Наконец-то лакей доложил о приезде гостьи. Юлий Помпеевич на радостях потёр руки: пока всё шло как надо. Он сам поспешил навстречу баронессе и, увидев необъятную, как гардероб, фигуру в чёрном, раскланялся и провозгласил:

– Дорогая Евдокси, как я рад снова вас видеть! Я не садился обедать, надеялся, что вы составите мне компанию.

– Благодарю, – заулыбалась дама, но Литта успел заметить настороженный взгляд заплывших чёрных глаз.

Граф повёл гостью в столовую, и пока они обедали, развлекал её светским разговором, где перемежал сплетни, колкости в адрес общих знакомых и прозрачные намёки на то, каким влиятельным человеком стал он сам. В последнем баронессу можно было и не убеждать: она прекрасно знала о недавно пожалованной ему должности обер-камергера. Однако Литта решил, что кашу маслом не испортишь, и в ярких красках повествовал, как купается в монарших милостях. Наконец он решил, что можно перейти к делу, и начал разговор:

– Дорогая Евдокси, вы знаете, что я – старый друг вашей семьи и полностью вам доверяю. Поэтому я и подумал о вас, как о человеке, способном помочь мне, ну, а я, в свою очередь, не оставил бы это без благодарности.

Баронесса явно заинтересовалась.

– Конечно, вы всегда можете на меня рассчитывать. Но что случилось? – осведомилась она.

– Ну, дорогая, то, что случилось, обсуждают обе столицы, ещё немного – и слухи дойдут до царской семьи. Речь идёт о безобразном поведении моего зятя, Самойлова: он разоряет бедняжку Юлию.

– Ах, как я вам сочувствую, – часто, как курица, закивала головой Евдоксия. – С детьми всё так сложно. Мой сын тоже меня расстраивает, он совсем не понимает нужд матери, а мой неразумный муж сделал Алекса единственным наследником. Я оказалась в ужаснейшем положении!..

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить, – оживился граф. – Если бы вы оказали мне небольшую услугу, я мог бы помочь вашему горю. Небольшой подарок, тысяч в пять, на время облегчил бы ваши страдания, а в моей семье восстановился бы мир.

– Что нужно делать? – насторожилась гостья, но жадный блеск глаз спрятать не смогла.

Вот и славно! Рыбка-то клюнула... Литта перешёл к главному:

– Я хочу развести Юлию с мужем. Теперь я убеждён, что для моего семейства это осталось единственным выходом из положения.

– Но чем же я могу вам помочь?

– Повлияйте на своего сына, а он поможет мне.

– Я уж и не знаю, как к нему подступиться, – вздохнула Евдоксия, – Алекс так раздражён, тем более что приглашения из министерства всё нет.

– Оно придёт – как только мы закончим это дельце.

До баронессы начал доходить смысл сказанного:

– Так это вы затягиваете назначение моего сына? – изумилась она.

– Не забывайте, дорогая, кто ему это назначение устроил! Я сделал первый шаг, сделаю и второй, но пока Алекс мне нужен в Москве.

– Зачем? Объясните же наконец! – лицо женщины побагровело под слоем белил.

– Не волнуйтесь вы так, – посоветовал Литта и перешёл к сути дела: – Алекс – прекрасный молодой человек. Я думаю, что такой красавец обязательно понравится Юлии, тем более что они шапочно, но знакомы. Девочке нужно только повнимательнее к нему присмотреться, и она не устоит. Как только Жюли увлечётся вашим сыном, она охотно согласится на развод с Самойловым. А я уж добьюсь, чтобы этот наглец вернул приданое до последней копейки, даже если при этом он пойдёт по миру. После того как дело будет сделано, вашему сыну придёт долгожданный вызов, и он уедет в Петербург, а вы получите оговоренный подарок.

– Сын не послушает меня, он всё сейчас делает мне назло, – вздохнула баронесса. – Что бы я ни посоветовала, он поступает наоборот.

– Так вы и скажите наоборот! Прикажите ему не приближаться к Юлии, и я сделаю то же самое. Вот увидите – они полетят друг к другу, как мотыльки. Поверьте, я давно так поступаю, когда хочу чего-то добиться от внучки.

Евдоксия хмыкнула, но согласилась:

– А знаете, это может получиться.

Поразмыслив, она подняла на собеседника глаза. По их жадному блеску Литта догадался, что речь пойдёт о деньгах. Интуиция его не подвела. Евдоксия заговорила: – Я согласна помочь вам, но думаю, что подарок должен составить десять тысяч, и я хотела бы получить его прямо сейчас.

– Договорились! – согласился Литта. – Но вы побеседуете с Алексом сегодня же.

Баронесса пообещала итальянцу всё, что он от неё требовал, и получила толстенный кисет с десятью тысячами серебром. За один день она разбогатела на огромную сумму! Это следовало отметить. Вечерком можно наведаться в салон Козловских – там всегда играют покрупному, ну, а пока Евдоксия взобралась на мягкие подушки экипажа и отправилась на Тверскую.

Экипаж подкатил к дому Чернышёвых. Засуетились лакеи – открывали дверцу, опускали подножку – и всё это ради мерзкой туши, именуемой баронессой Шварценберг. Хочешь не хочешь, но и Палачу пришлось наблюдать за этой мерзкой суетой.

Говорят же, что Бог шельму метит, значит, весь мир давно должен был понять, что отвратительная внешность Евдоксии отражает её внутреннее уродство. Почему же этого не случилось? Почему одним всё – а другим ничего?!

Раздражение Палача давно сделалось привычным. Евдоксия вечно требовала от окружающих невозможного. Ей даже в голову не приходило, что она может вызывать ненависть. Эта стерва не стеснялась затаскивать в свою постель понравившихся ей мужчин и выжимать из них все соки.

Ярость исказила лицо Палача, но сейчас можно было и не прятать свои чувства – угол дома оказался надёжным укрытием, и баронесса ничего не видела.

Это хорошо, пусть подольше витает в облаках. Её час пока не пробил. Да и зачем спешить? Тянуть время – тоже удовольствие. Палачи обожают своих жертв. Ничто на свете не сравнится с агонией врага, это – экстаз, вершина наслаждения. Но ведь есть ещё и путь к заветной цели – тоже не рядовое удовольствие. Палачи вершат судьбы своих жертв. Палач – тот же бог, нежащий своего агнца, ведущий его по выбранному пути, чтобы в конце забрать его бессмертную душу.

Баронесса Шварценберг исчезла за дверями дома. А может, хватит уже тянуть? Может, пора ей заняться?.. Мысль была очень приятной и почему-то не вызвала сомнений. Всё сразу встало на свои места...

Шаги Палача гулко отдались в вестибюле дома Чернышёвых.

Ну что ж, время пошло... Пеняй на себя, баронесса!

В гостиной баронесса застала лишь Алину.

– Где твоя подопечная? – благодушно поинтересовалась она.

– Я отпустила её в гости к Полине, – доложила младшая сестра и, испугавшись сразу посуровевшего взгляда Евдоксии, стала оправдываться: – Лив так хотела повидаться с ней напоследок, ведь Полина уезжает в паломничество.

Эти постоянные «ахи» и «охи» по поводу желания средней сестры посетить Святую землю давно осточертели Евдоксии. Да сколько же можно всё это выслушивать?

– Одной занудой станет меньше, только и всего, – отчеканила она. – Что ты поощряешь эти визиты в Полинину конуру? Если наша святоша хочет читать проповеди, пусть ездит сюда.

– Хорошо, Евдокси, как скажешь, – перепугалась Алина и заюлила: – Ты не хочешь пообедать? Суп сегодня очень удался.

Обед?.. А почему бы и нет? Лишний раз поесть будет совсем не вредно, и Евдоксиа милостиво кивнула:

– Ну ладно, распорядись, пусть подают.

Сестра кинулась в столовую, а баронесса расположилась в кресле у камина. В Богемии, где она прожила все последние годы, такого холода, как в России, отродясь не было, и Евдоксиа отвыкла. Наслаждаясь теплом, она поставила ноги на каминную решётку, но шаги за спиной отвлекли её. Ожидая увидеть Алину, она обернулась. В дверях появился уже немолодой высокий блондин. Весь в чёрном, суровый, он выглядел как на похоронах. Увидев баронессу, визитёр поклонился и замер, словно не решаясь к ней подойти.

– Эрик, что-то случилось? – по-немецки спросила Евдоксиа.

– Да, ваше сиятельство! Князь Иоганн скончался, оставив вашего сына единственным наследником, – доложил гость. Голос его оказался высоким, даже писклявым, что никак не вязалось с его высокой фигурой и широким, грубоватым лицом.

– Ты привёз завещание? – уточнила баронесса и почувствовала, как у неё под сердцем задрожала жилка.

– Да, я уполномочен передать его князю Александру вместе с кинжалом Шварценбергов.

– Кого волнует этот нож? Где бумаги?! – Евдоксиа уже кричала.

– Они – в моем бауле, ваше сиятельство, – всё так же спокойно ответил немец, как будто не замечая её раздражения. – Я должен передать их из рук в руки молодому князю – такова воля его покойного дяди. Но я прекрасно осведомлён о тексте завещания, поскольку был одним из трех свидетелей, заверивших его.

– Тогда рассказывай!

– Князь Иоганн оставил вашему сыну всё имущество, обременив его только одной выплатой: наследник обязан передать по пятидесяти тысяч дукатов в золоте своим тёткам – Полине и Александре Румянцевым.

– Какая чушь! – вскипела баронесса, но тут же поняла: – Он что, решил вернуть моё приданое, выплатив его сестрам? Ну и сюрприз!.. А как же я?

– Сожалею, мадам, но о вас речи в завещании не было, – лицо немца сделалось почтительно-скорбным.

– Ещё бы! Старый негодяй всю жизнь ненавидел меня, – вздохнула Евдоксиа. – Но ничего, мы ещё посмотрим, за кем останется последнее слово!

Она приказала дворецкому устроить и накормить гостя, а сама отправилась сочинять письмо сыну. Нашёлся отличный повод пригласить Алекса на ужин, а там уж она совместит приятное с полезным. Впрочем, одно Евдоксиа знала совершенно точно: ни один золотой, предназначенный сёстрам, не пройдёт мимо её рук. Это покойный рыцарь-госпитальер зря придумал, она не позволит так себя оскорблять! Мало ли кто кого в этой жизни не любил, побеждает-то всё равно сильнейший...

Глава пятая. Прекрасный рыцарь

Как можно не любить этот уютный маленький домик на Пятницкой? Однажды, давным-давно, Полининому мужу повезло, и он смог купить крохотный флигель в продававшейся по частям городской усадьбе. Домик был деревянным, но снаружи оштукатуренным под камень. Он примыкал к изумительной красоты воротам. В их чугунной решётке искусно переплетались рыцарские кресты, а на белёных кирпичных столбах покоились маленькие, но очень грозные львы. Поскольку хозяева во флигеле и в доме уже давно были разными, ворота за ненадобностью закрыли, и в узком пространстве бывшего проезда, не потревоженные никем разрослись из занесенных ветром случайных семян дерева и кусты. В этот росший вопреки всему маленький садик, припорошённый сейчас первым снегом, выходило окно гостиной, где коротали время Полина и Лив. Белоснежный пейзаж за окном был полон очарования, мягко гудела голландская печка, тётка смотрела так ласково, но Лив всё равно грустила.

– Что же я буду делать, когда и вы уедете? – печально спросила она.

Только Полина да Зинаида Волконская оставались теми людьми, с кем Лив было просто и хорошо. Но к княгине её пускали всё реже и реже, а скоро должна была уехать и Полина. Тётка давно мечтала совершить паломничество в Иерусалим, и такая возможность ей наконец-то представилась. На Святую землю отправлялись две монахини из Ивановского женского монастыря, и пожелавший уменьшить епархиальные расходы архиерей разрешил им взять с собой оплативших путешествие мирянок. Для Полины это был редкостный шанс.

– Всё обойдётся, – пообещала она и улыбнулась. – Тебе придётся потерпеть пару месяцев. Если что – Алекс поможет: защитит тебя от своей матери. А потом отправишься в Петербург к Кочубеям. – Тётка с осуждением покачала головой и вздохнула: – Зря ты отказалась уехать с ними сразу.

– Зря, конечно, – признала Лив, – но я думала, что лорд Джон устроит мне дебют в опере. Я так об этом мечтала!

– Что ни делается – всё к лучшему. Я не знаю, что там думают нынче в светском обществе, а в мои времена никто бы не одобрил барышню на выданье, поющую на сцене, пусть даже и в частном театре. Выходи замуж – а потом пой, сколько душе угодно. Теперь, когда твоя мать уехала, тебе нужно быть очень осторожной, чтобы не потерять шансы удачно выйти замуж, – заметила Полина. Она смутилась, но всё-таки решилась спросить о главном: – Евдоксия сильно вас тиранит?

Вопрос оказался не из лёгких. Что тут ответишь? Сказать правду и расстроить тётку перед отъездом? Это было бы жестоко... Так что Лив ответила, как истинный дипломат:

– Она, наверно, считает, что делает это ради нашего блага.

Тётку её смирение не обмануло. Аккуратно выбирая слова, Полина предложила:

– Ты бы написала письмо сестре, пусть Вера и Мария Григорьевна вызовут тебя к себе в имение. Евдоксия не посмеет им отказать, а ты из деревни сразу же уедешь в столицу к Кочубеям. Ты же видишь, что, захав в ваш дом и живя на ваши деньги, баронесса сильно экономит собственные средства.

Обе понимали, что Полина наконец-то решилась назвать вещи своими именами. Лив вздохнула:

– Наверно, вы правы... – Потом попросила: – Давайте напишем вместе, и вы отправите письмо сами, иначе, боюсь, оно даже до почты не дойдёт.

– Садись к столу и пиши, а я в конце добавлю пару строчек, – решила Полина и, увидев свою единственную служанку Любу с самоваром в руках, поспешила ей навстречу.

Пока тётка занималась сервировкой, Лив уселась за старенькое бюро, взяла чистый лист и вывела на нём дорогие имена. Но дальше приветствий дело у неё не пошло. Из головы не шёл

тот случай на лестнице, когда сквозь ужасную – до звона в ушах – боль она услышала полный заботы голос Александра. До сих пор её пальцы начинали дрожать, когда Лив представляла, как опирается на его руку. Вчера её поразило доселе незнакомое острое чувство, когда между пальцами мужчины и женщины словно проскакивают искры. Ей показалось, или так оно и было? Неужто между ней и кузеном возникла невидимая, но прочная связь? Странно... Александр – хороший друг, но не более того. Так откуда же эти искры?..

Конечно же, Шварценберг был красавцем, это признавали все, и Лив с этим спорить не собиралась. Очень высокий, с ладной и мощной фигурой, он больше походил на офицера, чем на штатского. Породистое лицо, точеный нос, мягкий взгляд светло-карих глаз, глубокий, тёплый голос... Получается, что она, как и все глупые барышни, купилась на смазливый облик?

«Ничего не смазливый, а просто красивый. И вообще, это не главное. Александр – очень добрый человек. В этом его основное достоинство», – решила Лив. Мысль была справедливой, но ясности ни во что не внесла.

Лив вздохнула и вновь принялась за своё письмо. Ей не хотелось беспокоить ни бабушку, ни беременную сестру, и она осторожничала, подбирая слова. Впрочем, результат получился даже удачным. Письмо вышло спокойным, изложение событий выглядело так, будто Лив просто соскучилась и захотела повидать родных. Отлично! Теперь можно и тётку позвать.

– Я закончила. Вы ведь хотели сделать приписку? – напомнила она Полине.

– Давай выпьем чаю, а потом я допишу пару слов, – предложила тётка. – Иди ко мне, садись. Я достала малиновое варенье, как ты любишь.

Лив пересела к столу и потянулась к вазочке с вареньем, но шум шагов возвестил о приходе гостя. В маленькую гостиную вошёл именно тот, о ком Лив теперь думала ежечасно. Сегодня, в новом чёрном фраке, ладно облегавшем его широкие плечи, Шварценберг был особенно хорош, он шёл легко и быстро, один его вид дарил праздник. Прямо с порога Александр заявил:

– Милые дамы, вы даже не представляете, как я счастлив вас видеть! Только с вами, тётушка, я и отдыхаю душой. Мать со мной бесконечно воюет, а я никак не могу отсюда уехать – приглашения из министерства до сих пор нет.

– Не волнуйся, оно обязательно придёт, – отозвалась Полина. – Побудь здесь до нашего отъезда, а там уже отправляйся в своё министерство.

– Вы уезжаете? – удивился барон, и его улыбка померкла.

– Я собралась в паломничество, а Лив хочет поехать к сестре.

– Жаль, – чуть помедлив, отозвался Александр и тут же заговорил о другом: – Лив, я привёз вам мои экземпляры «Евгения Онегина», третья глава – в списках, а две другие напечатаны.

– Вот спасибо! – Лив даже не ожидала такого внимания. Как он добр и как чуток!

Александр положил на стол две тоненькие книжечки и маленькую тетрадь в картонном переплёте. Прижал их ладонью.

– Я уверен, что отдаю эти сокровища в самые достойные руки. Никто не понимает поэзию, как вы, – заявил он и так тепло улыбнулся, что сердце Лив затрепетало от счастья.

Она протянула руку, забирая подарок, и вновь ощутила жар от незримых молний, проскочивших меж их пальцев. Господи, неужели кузен тоже это чувствует? Но что он подумает? Решит, что она навязывается...

Лив раскрыла тетрадь со стихами и уткнулась носом в рукописные строки. Поначалу она ничего не видела, но волнение улеглось, и Лив начала читать. Стихи очаровали её. Лив вновь встретилась с так поразившей её накануне Татьяной. Эта уездная барышня была так понятна, так близка, будто родная сестра. Впрочем, дочитать главу не удалось, – тётка тронула Лив за рукав, и та откликнулась:

– Да, тётя?

– Я предлагаю нам всем отправиться на Тверскую, – объявила Полина. – Алекс получил записку от матери – Евдоксия зовёт его на ужин. Он отвезет нас, а я сегодня останусь с ночёвкой: побуду подольше с тобой и Алиной накануне отъезда.

– Конечно, поехали, – согласилась Лив и вслед за тёткой поднялась из-за стола.

Она прижала к груди книжки, как будто боялась с ними расстаться. Просто вдруг стихи навели её на странную мысль. А что, если она, как и Татьяна в романе, влюблена? От волнения задрожали руки... Неужто?.. Но как же так? Ведь это даже неприлично: чтобы влюбиться, Лив хватило пары лестных фраз и обычного мужского внимания. Открытие ужасало. Лив боялась в это поверить, но нежное тепло, разливавшееся в груди и пресловутые «искры», яснее ясного подтверждали, что её догадка верна.

«Господи, не дай мне погибнуть и наделать ошибок тоже не дай! Если я не могу избавиться от своей любви, помоги мне хотя бы скрыть её», – мысленно взмолилась Лив.

Добравшись до дома, Лив кинулась переодеваться. Ей так хотелось сегодня быть красивой, а нарядных платьев у неё осталось раз-два и обчёлся, и она решила на неслыханную прежде вольность – позаимствовала без разрешения платье из гардеробной старшей сестры. Эффект оказался сногшибательным: аквамариновый шёлк отделил глаза Лив, а роскошный «взрослый» фасон подчеркнул достоинства её гибкой фигуры. Верная наперсница Саня, быстро убравшая лишнее в боковые швы прямо на хозяйке, пришла в неопишуемый восторг и тут же предложила:

– Нужно бы все наряды Веры Александровны сюда перенести. Зачем им впустую висеть, а то выйдут из моды, и деньги, плаченные на Кузнецком Мосту, пропадут.

В словах горничной был свой резон: средств не хватало, а мода менялась быстро, но сейчас Лив волновало другое.

– Потом всё обсудим, – заторопилась она. – Обнови причёску, только не вынимай шпильки, я спешу.

Саня аккуратно заправила в узел на макушке выбившиеся прядки, расчесала и вновь закрутила в тугую спираль чёрные локоны и залюбовалась.

– Очень красиво! – провозгласила она, и Лив с ней мысленно согласилась.

Впрочем, времени любоваться собой уже не было. Все домашние ждали в столовой. Ещё чуть-чуть – и нарвётся на выволочку от Евдоксии. Лив побежала вниз и, затаив дыхание, вошла в столовую. Но всё обошлось – баронесса промолчала, а Лив прошла к столу и села на единственное незанятое место. К её удовольствию, оно оказалось рядом с Александром.

– Наконец-то все в сборе, – изрекла баронесса и тут же с явным наслаждением вонзила когти в Лив: – Какое прелестное платье, дорогая! Я его у тебя ещё не видела.

Какой позор! Быть пойманной за руку на глазах у кузена! Лив тут же решила, что лучше проглотит свой язык, чем признается, откуда взяла наряд, но, на её беду, вмешалась тётка Алина.

– Это Верочкино платье? Правда, Лив? Как хорошо, что ты догадалась его надеть, оно очень тебе идёт.

– Практичная мысль, – снизошла до похвалы баронесса. – Вера беременна. Пока она родит, пока восстановит фигуру – мода уже изменится, а Лив успеет поносить красивый наряд. Нужно завтра же пересмотреть все платья Веры и подогнать их на Лив. Хотя, как я вижу, и делать ничего особенно не придётся.

Лив молчала, она уже пришла в себя, но до сих пор не решалась посмотреть на своего кузена. Она молила небеса, чтобы тётки перевели разговор на другую тему, а её оставили в покое, но Алина не унималась.

– Евдокси, но ведь Надин прислала деньги, чтобы мы сшили для Лив новый гардероб. Зачем тогда переделывать старые платья?

– После коронации все магазины на Кузнецком пусты. Весь товар в них раскупили. Пока доставят новые ткани и готовые платья, минует не один месяц, а я собираюсь вывозить Лив уже сейчас. Мы не будем ждать, иначе пропустим весь сезон. Кстати, Алекс, ты можешь сопроводить нас с Лив.

– Уведомите меня о времени и дате, – сухо обронил Александр, и стало понятно, что ему этот разговор неприятен.

Лив ужаснулась: кузен не хотел появляться вместе с ней. Неужели Александр всё понял и теперь боится, что она поставит его в неловкое положение? Господи, только не это!

Между тем Евдоксия, как будто и не заметив раздражённого тона сына, пустилась в объяснения:

– Мы будем бывать там, где не может появиться бедняжка Юлия Самойлова. Алекс, мне бы не хотелось, чтобы ты сейчас лишний раз встречался с этой женщиной. Вокруг неё ходит слишком много разговоров.

Лив расслышала, как барон рядом с ней явственно хмыкнул, но отвечать матери не стал. Все занялись едой, и над столом наконец-то повисло молчание. Впрочем, ненадолго. Резкий голос Евдоксии вновь привлёк общее внимание:

– После ужина я прошу всех пройти в гостиную. Вы ещё не знаете, что приехал управляющий князя Шварценберга. Поздравляю тебя, Алекс, ты унаследовал титул!

Лив почему-то сразу поняла, что сейчас последует взрыв. Так и получилось: с грохотом опрокинув стул, Александр вскочил.

– И вы молчали?! – взревел он. – Вели дурацкие разговоры, зная, что дядя умер?..

– Не смей орать на мать! – взвизгнула баронесса, швырнув вилку на стол. – Я сама знаю, когда и что говорить. Подумаешь, умер старик! Что ещё он мог сделать в его возрасте? Или ты думал, что он будет жить вечно?

Евдоксия поднялась и встала напротив сына. Лицо её сделалось багровым. С неприкрытым сарказмом она сообщила:

– Если ты так спешишь, мы можем пройти в гостиную прямо сейчас. Эрик фон Масс ожидает нас там. Пожалуйста, мы обойдёмся без ужина.

– Мы уже поели, – подсказала Алина, – не будем заставлять этого господина ждать.

Лив не понимала, что теперь делать. Александр молча вышел из комнаты, а баронесса опустила обратно на стул. Слава богу, что вмещалась Полина:

– Пусть Алекс и господин фон Масс поговорят наедине, а мы подождём здесь, – предложила она. – Если твой сын, Евдокси, захочет к нам вернуться, он это сделает, а если нет – то пусть едет домой. Я так понимаю, что он боготворил своего дядю, а тот, в свою очередь, любил его.

Баронесса взвизгнула:

– Что ты понимаешь?! Этот мерзкий скряга любил лишь свой орден. Рыцарь-госпитальер! В наше время смешно даже слышать об этом! Стоило ли обречь себя на безбрачие ради ордена, доживающего последние годы. Мальту у них отобрали, госпитальеры теперь – бездомные псы.

– Хорошо, Евдокси, тебе виднее, – вновь засуетилась младшая из сестёр. – Ты сердисься. Опять кровь к голове прильёт, и ты заболеешь.

– Действительно, надо бы мне побережться, – сбавила тон баронесса и поднялась из-за стола. – Вы идите в гостиную, познакомитесь с Эриком. Он пока поживёт здесь.

Лив с удивлением заметила, как переглянулись её младшие тётки. Полина даже побледнела, а Алина, наоборот, заулыбалась.

– Мы знакомы с Эриком фон Массом ещё с тех времен, когда он служил у графа Литты, – сказала Полина. – Он нам очень помог после смерти папы...

– В первый раз слышу! – поразилась Евдоксия и с подозрением уточнила: – Что значит «очень помог»?

Полина напомнила:

– После отца остались огромные долги. По поручению графа Литты Эрик помог мне рассчитаться с кредиторами.

Баронесса сразу же потеряла интерес к разговору и, заявив, что идёт к себе, направилась к дверям.

– Не беспокойся, дорогая, я сама прослежу, чтобы господина управляющего устроили поудобнее! – крикнула ей в спину Алина.

Проводив взглядом массивную фигуру старшей сестры, засобиравшись и Полина.

– Я поеду домой, – заявила она. – Сейчас нам всем лучше разойтись по своим кельям.

Лив взяла тётку под руку и прижалась к её плечу.

– Как проводишь меня, ложись, – посоветовала ей Полина, – а завтра с утра приезжай на Пятницкую на весь день. Надеюсь, что до самого отъезда ты станешь бывать у меня ежедневно.

– Но ведь Евдоксия решила меня вывозить, вы же слышали, – засомневалась Лив.

– Пока она с сыном на мировую не пойдёт, никуда она отсюда не двинется. Потом Верины наряды тебе подгонять будут, это тоже требует времени. Так что всем будет лучше, если ты погостишь у меня.

– Тогда приеду!

– Вот и хорошо, – кивнув на прощание, Полина вышла.

Из окна Лив наблюдала, как тётка усаживается в экипаж. Карета тронулась и покатила по Тверской, а её место у крыльца заняла коляска барона Шварценберга. Нет, теперь правильнее говорить «князя». Александр унаследовал титул своего дяди. Почему же он так вскипел, почему скандалил с матерью?

«Наверно, для него это оказалось ударом, – догадалась Лив. – Значит, он любил старого князя». Ей захотелось утешить Александра. Она подошла к дверям гостиной и, не решаясь войти, замерла в темноте вестибюля. Она видела всех, находившихся в комнате. Александр взволнованно ходил взад-вперед. По сцепленным в замок побелевшим пальцам Лив определила, что кузен тщетно пытается взять себя в руки. Высокий мужчина в чёрном стоял у камина, повернувшись к двери боком. Пламя ореолом подсвечивало его жёсткий профиль и коротко стриженные светлые волосы. Алина сидела на диване и с явным интересом слушала собеседников. А её-то что тут могло заинтересовать? Впрочем, понятно. Алина – добрая душа и сочувствует горю племянника. Но Лив ошиблась: разговор шёл о деньгах.

– Повторите ещё раз, Эрик, – попросил Александр по-немецки. – Сколько денег я должен буду передать моим тёткам по завещанию князя Шварценберга?

– По пятьдесят тысяч дукатов в золоте, ваша светлость, – почтительно ответил управляющий.

– Пятьдесят тысяч золотых вам, тётушка, – перевёл слова немца Александр, – и столько же Полине. Такова воля моего дяди.

– Спасибо вам обоим, дорогой, – растерянно сказала Алина. – Только я не возьму в толк – почему князь вспомнил о нас?

– Я так понимаю, что ваш отец отдал в приданое за старшей дочерью всё, что только мог, в надежде через князя Иоганна получить высокую должность в Мальтийском ордене.

– Да, он был так увлечен этой идеей. Я отлично помню отца в плаще с мальтийским крестом – он заранее заказал его и часто надевал.

– Ну а когда ничего из этой затеи не вышло, дед понял, что напрасно обездолил младших дочерей, и осознание этого факта свело его в могилу. Я думаю, что князь Шварценберг в своём завещании приносит вам с сестрой своеобразное извинение.

– Царствие ему небесное! – перекрестилась Алина. Она поднялась и по-французски обратилась к гостю: – Господин фон Масс, я сама прослежу, чтобы вам приготовили другую спальню, побольше и поудобнее.

Она направилась к двери, а Лив отступила за колонну. Она не хотела, чтобы тётка забрала её с собой. Лив собиралась поговорить с кузеном. Но Александр, похоже, ещё не закончил свою беседу с управляющим.

– В этом ларце завещание? – спросил он, кивнув на большую полированную шкатулку красного дерева.

– Да, ваша светлость, и ещё – кинжал Шварценбергов, – объяснил фон Масс.

– А письма для меня дядя не оставил?

– Нет. Мой хозяин умер скоропостижно. Завещание он написал ещё полгода назад. Ничто не предвещало его кончины. В день смерти князь собирался на охоту. Но после завтрака ему стало плохо, он упал в обморок, а через три часа умер.

– Понятно... – Лив услышала в голосе кузена безнадёжность.

Шварценберг открыл крышку ларца и вынул кинжал, похожий на маленький меч. На его золотой рукоятке белел восьмиугольный мальтийский крест. Александр прижался губами к кресту, а потом положил кинжал обратно в ларец.

– Благодарю вас, Эрик, и не буду больше задерживать. Я прочитаю завещание дома и встречу с вами завтра.

Немец поклонился и вышел из гостиной. Он прошёл мимо колонны, за которой пряталась Лив, потом его шаги отдались под сводами вестибюля. Где-то у лестницы прозвучал голос тётки Алины, та по-французски приглашала фон Массу проследовать в приготовленную для него новую комнату. Похоже, что больше никто им с Александром не помешает.

Лив вошла в гостиную. Кузен сидел на диване. Глаза закрыты, а между бровями – глубокая морщина. Сейчас он казался слишком взрослым, даже старым, так исказило горе его черты.

– Вы очень его любили? – тихо спросила Лив.

Шварценберг открыл глаза и вскочил. Он показался Лив страшно измученным.

– Да! Я любил дядю, как отца, а может, и больше, – признался Александр. Потом подошёл к Лив, взгляделся в её лицо и тихо сказал: – Спасибо, ангел, за сочувствие. По вашим глазам я вижу, что вы хотите разделить со мной горе. Не рвите своё сердце – вы ещё так молоды. Пусть печали как можно дольше обходят вас стороной. Идите отдыхайте. Я сегодня испортил всем вечер. Простите меня.

Александр взял руку Лив, поцеловал её и, перевернув, прижался губами к ладони. Это уже была настоящая ласка. Трогательная и острая. А ещё опасная. Но Лив не отняла руки, наоборот – она не хотела, чтобы кузен отпускал её. Но Александр отошёл. Открыл стоящую на столе шкатулку и вынул из неё большой конверт, запечатанный красным сургучом.

– Бегите к себе, ангел, увидимся завтра, – посоветовал Александр и вышел.

Лив осталась одна. Она подошла к ларцу и откинула крышку. Альый бархат оттенял бело-снежную эмаль восьмиконечного креста и золото рукоятки. Что же это получается – она влюбилась в мальтийского рыцаря? А их вообще-то можно любить? Лив даже помотала головой, отгоняя тревожные мысли. Не надо сейчас думать о плохом. Рыцарь, в которого она влюбилась, поцеловал ей ладонь и назвал ангелом. На неё обрушилось счастье. Слепящее и немислимое!

Глава шестая. Юлия Самойлова

Вот ещё счастье – сидеть в четырех стенах в компании с нудным стариком! Юлия Самойлова уже извелась от раздражения. Чёрт бы побрал эту собачью жизнь!..

Ну почему она дала слабину? Поддалась на уговоры деда и переехала к нему. Прошло всего лишь два дня, а она уже проклинала себя за глупость и слабоволие. Конечно, в родном доме тепло и уютно, нет скандалов и нервотрёпки, но зато нет и самого главного: нет мужчины, занимавшего теперь все её мысли.

Интересно, где сейчас Ник? Что он делает? Наверняка она этого не знала, но подозревала самое худшее. Понятное дело, что играет или путается со шлюхами. Сукин сын!.. Юлия вздохнула. И было от чего...

А ведь как замечательно всё начиналось: Николай Самойлов по праву считался первым красавцем обеих столиц, да к тому же приходился внучатым племянником великому Потёмкину. У Ника было всё: красота, родовитость, богатство. О браке с этим синеглазым античным богом мечтали все светские красотки, и – о, чудо! – этот немислимый приз достался Юлии. Она опередила и подруг, и соперниц. Юлия была так счастлива, что просто летала, и пропустила мимо ушей главное – совет тётки Багратион. Та как раз накануне свадьбы заглянула в Петербург и, выслушав рассказ невесты о её планах на семейную жизнь, расхохоталась, а потом и вовсе заявила:

– Смотри, Жюли, приятели твоего будущего мужа зовут его русским Алкивиадом – явно не за полководческий талант, а за красоту и беспутство. Помни, что такие мужчины никогда не меняются. Держи ухо остро.

Юлия тогда промолчала. Мало того что она не знала, кто такой этот древний герой с забористым именем, причина была в другом: она просто не могла поверить, что найдётся мужчина, который не будет заглядывать ей в глаза и млесть, исполняя все её капризы. Так всегда поступал дед, да и её поклонники при дворе вели себя один галантнее другого. Мужчины без устали пели ей хвалу, а уж от желающих попробовать этот сочный персик на вкус не было отбоя... Но как же могло быть иначе? Кто ещё мог похвастаться огромными, в пол-лица, бархатными чёрными очами, точёным носиком и ртом – крохотным, словно бутон алой розы? Ну, а про фигуру и говорить нечего: вторых таких покатых плеч и изящных рук не было ни в Петербурге, ни в Москве, да и во всей России. Юлия родилась победительницей и чуть ли не с детства привыкла собирать дань из мужских сердец.

Подготовка к свадьбе запомнилась ей как самое счастливое время: закупалось приданое, шились наряды, а бабка подарила ей бриллианты Скавронских. Конечно, они оказались старомодными, но таких неправдоподобно больших камней не было ни у одной из ровесниц Юлии. Потом последовало благословение государя и императрицы-матери и грандиозная свадьба. Брачная ночь убедила новую графиню Самойлову, что её мужем стал великолепный, опытный в постельных делах кавалер, а потом... всё закончилось. Супруг объявил Юлии, что испросил у государя отпуск и собирается в Москву, а она вольна делать всё, что угодно. Может жить со свекровью во дворце Самойловых или вернуться к деду с бабкой.

– Как же так, Ник?.. – изумилась новобрачная. – Почему вы хотите это сделать? У нас же всё было хорошо.

– Да что вы? – саркастически усмехнулся Самойлов. – Я ничего хорошего не заметил. Ваш дед купил меня, как сундук с тряпьем, у моей собственной матери. Или вы не знали, что любезная маменька шантажировала меня карточными долгами? Да, именно так – не давала денег. Я выбирал между пулей в лоб и вами... Всем в свете давным-давно известно, что я любил и люблю хорошую, чистую девушку. И она уже согласилась стать моей женой, когда появился граф Литта с мешком золота, и сумасшедшая жадность моей матери не справилась с

искушением... Чего вы хотите? Вы стали замужней дамой, получили моё имя, ну а остальное – не обессудьте, об этом я ни с кем не договаривался.

Ник отбыл в Первопрестольную, оставив Юлию в расстроенных чувствах. Она не знала, как поступить, поэтому сделала то, что и всегда: отправилась за советом к деду. Юлия повторила ему слова Самойлова, ожидая гнева и возмущения, но дед и бровью не повёл. Он усадил внучку в кресло, распорядился принести им две чашки кофе, до которого оба они были большие охотники, и начал неспешный разговор:

– Твой муж очень избалован. Он – младший сын и любимец матери, к тому же – красавец. В вашем браке ему не понравилось то, что мать заставила его жениться. Если бы она препятствовала этому – он добивался бы тебя, увёз тайком. Избалованный мальчишка решил показать всему свету, что его нельзя купить, что он сам принимает решения. Вольно же ему так дерзить матери! Потерпи, дорогая, он образумится и вернётся.

Но Юлия терпеть не умела. Месяц спустя, поняв, что муж возвращаться не намерен, она сама отправилась в Москву. В доме Самойловых на Маросейке она застала настоящий притон. Компания во главе с Ником играла в гостиную чуть ли не круглые сутки. Увидев в дверях жену, Самойлов с радостью сообщил, что он уже проиграл почти треть полученного приданого.

– Но ведь это невозможно, – поразилась Юлия.

– Для меня? Обижаете... – засмеялся её супруг и добавил, что они с приятелями, пожалуйста, закончат игру и поедут к девкам.

– А я? – только и нашла что спросить Юлия.

– Вам никто ничего не запрещает – делайте, что хотите, – отмахнулся Самойлов и отправился развлекаться.

С тех пор прошёл год. Юлия давно и в подробностях разузнала всё о своей сопернице, которой Ник собирался и не успел сделать предложение. Графиня Самойлова так и не решилась лично познакомиться с несостоявшейся невестой своего мужа, но внимательно присмотрелась к этой девице на балах. Они оказались похожи: черноглазые брюнетки, да и чертами напоминали друг друга. Почему же Ник так и не смог забыть эту Александрина? Почему до сих пор сох по ней? Ведь ничем иным нельзя было объяснить то, что этот гордец проводил время со шлюхами, но так ни разу больше и не лёг в постель жены.

Чтобы досадить мужу и вызвать его ревность, Юлия у него на глазах принялась кокетничать с управляющим Мишковским. Она надеялась, что Ник не оставит её роман с поляком без внимания. Он и не оставил – только в дураках оказалась она сама. Управляющий каждый день приносил ей на подпись разные бумаги. Понятное дело, что она ничего в них не понимала, но безбоязненно подписывала, ведь Мишковского ей прислал дед, к тому же Юлия сделала поляка своим любовником – а значит, рабом. Но, как видно, раньше нужно было спросить у тётки Багратион, кто такой Алкивиад, тогда бы Юлия знала, что этот грек славился не только изумительной красотой и необузданными страстями, но и тем, что покорял не только женщин, но и мужчин.

– Жюли, ты с ума сошла? Зачем ты подписываешь заёмные письма на такие огромные суммы?! – спросил у неё примчавшийся в Москву взбешённый дед.

– Какие письма? Я подписываю лишь то, что приносит Мишковский.

– Боже мой!.. – ужаснулся граф Литта и бросился собирать по Москве слухи о поведении зятя и управляющего.

То, что он узнал, оказалось катастрофой. Вся Первопрестольная с замиранием сердца следит за тем, как Николай Самойлов спускает огромные суммы, полученные под заёмные письма жены, а влюблённый в него Мишковский помогает графу продавать имущество Юлии.

Дед умолил свою девочку хоть на время переехать к нему, чтобы оградить и от распутного мужа, и от вора-любовника. Скрепя сердце Юлия подчинилась, но теперь заскучала и

рвалась обратно. Она уже твёрдо решила, что уедет, осталось придумать, как это сделать, не поссорившись со стариком.

«Дед уволил Мишковского, и теперь Ник остался дома один, – размышляла Юлия. – Можно ведь и обманом затащить мужа в постель. Хватит ждать у моря погоды. Если Ник ходит к шлюхам, значит, без женщин всё-таки не может. Надо дождаться, когда он напьется и заснет, и прошмыгнуть в его спальню, а потом он уже никуда не денется».

Нарисованные воображением картины оказались одна заманчивей другой, только от одного предвкушения по жилам разлилось приятное тепло. Ник ведь так хорош! Его синие глаза и каштановые кудри сводили женщин с ума. Сколько таких обезумевших по нему сохло? И не сосчитать. Юлия не стала исключением, а то, что муж уже год не падал к её ногам, сильно задевало. Она не могла думать ни о чём другом.

«Решено – завтра же домой», – пообещала она себе. Настроение сразу улучшилось. Теперь нужно объявить деду о своём решении. Юлия пошла искать старика. Но того нигде не было. Один из лакеев сообщил, что дед удалился в кабинет для беседы с князем Шварценбергом. Юлия помнила человека с таким именем – величественного худого старца. Тот был другом деда и приором Мальтийского ордена в одной из европейских стран, а его племянник Александр, гостивший в их доме во время коронации, был очень даже приятным малым. Решив, что, поздоровавшись со старым князем, она польстит самолюбию деда, а тот, раздобрев, отпустит её, Юлия постучала в двери кабинета и тут же заглянула внутрь.

– Можно, дедушка?

– Заходи, дорогая, – пригласил Литта. – Познакомься с князем Шварценбергом.

Юлия повернулась к гостю, но вместо высохшего старца увидела красавчика-Александра.

– Алекс, так вы теперь князь? – удивилась она.

– К сожалению, ваше сиятельство, – ненавязчиво подчеркнув официальное обращение, ответил Шварценберг. – Дядя недавно скончался, и титул перешёл ко мне.

– Царствие небесное моему дорогому другу Иоганну, – перекрестился Литта и объяснил внучке: – Алекс – единственный наследник и отца, и дяди. Теперь он должен жениться и родить наследника. Древний княжеский род требует продолжения.

Юлии это совсем не касалось, но почему-то слова деда её задели. Если бы у них с Ником появился ребёнок, это всё изменило бы, но этого не случилось, и вот теперь дед ронял напыщенные фразы о долге перед родом и наследниках.

Юлия взгляделась в гостя. Хорош, конечно, хоть и не так ярок, как её Ник. Всё дело в контрастах. У Ника они так разительно прекрасны, а этот... При черных волосах карие глаза редкого орехового оттенка тоже кажутся тёмными. Лицо, пожалуй, жестковато... Впрочем, если не придирааться, нельзя было отрицать, что Шварценберг – отличный образец настоящего мужчины.

«Может, он, конечно, и не так искусен в постели, как Ник, но явно силен и вынослив. Его надолго хватит, – определила Юлия. – Незачем Шварценбергу жениться, обойдется без наследников. Пусть лучше развлекает меня, пока Ник не вернётся в семью».

Юлия просияла лучезарной улыбкой и скользнула по лицу гостя коронным «бархатистым» взглядом. Обычно это действовало безотказно... Теперь добавить в голос немного ласки, и дело сделано:

– Дорогой Алекс, примите мои соболезнования. Я хорошо помню князя Иоганна. Он был прекрасным человеком. Пусть покоится с миром.

Юлия сама себе нравилась – ангел, да и только. Гость явно растрогался.

– Благодарю вас, – с чувством ответил он. – Я считал дядю самым близким и родным человеком.

– Ничего не попишешь, дружок. На небесах лучше знают, кому какой черёд уготован, – посочувствовал Литта и тут же пригласил: – Прошу, отобедайте с нами. За трапезой мы помянем моего доброго друга.

Шварценберг предсказуемо согласился, и все прошли в столовую. Юлия удивлялась деду: тот за обедом без устали вспоминал князя Иоганна и их былую дружбу – только об этом и говорил. В конце концов старик так растрогался, что на глаза его навернулись слёзы.

– Ну, Алекс, благодарю! Какие трогательные воспоминания... Я так взволнован, – сказал он и вытер глаза. – Приходите к нам почаще, вы так похожи на моего доброго Иоганна. Глядя на вас, я буду вспоминать свою молодость...

Граф поднялся и, выразительно глянув на внучку, попросил:

– Жюли, проводи князя вместо меня, а я пойду в спальню, полежу.

– Вам плохо, дедушка?

– Нет, дорогая, это всего лишь старость. Волнения мне уже не по силам. Ты не задерживай нашего гостя, он приехал с коротким визитом, а я заставил его обедать. Не будем навязываться со своим гостеприимством.

Литта пожал гостю руку и вышел. Шварценберг поблагодарил хозяйку и явно собирался откланяться, но в планы Юлии это не входило. Она усмехнулась и взяла гостя под руку.

– Вы приняли близко к сердцу дедушкины намёки? Думаете, что он боится оставлять меня с вами наедине?.. Ну, не без этого. Но всё равно приезжайте к нам вечером. Я вас приглашаю на маленький раут. Только не говорите, что вы собирались поехать играть. Я этого не переживу!

– Сегодня я должен сопровождать мать и кузину в гости к знакомым.

– Как скучно, – вздохнула Юлия, – и куда вас везут?

– ...К Римским-Корсаковым.

Пауза перед ответом гостя оказалась гораздо длиннее, чем нужно: Шварценберг явно знал о том, в кого прежде был влюблён Ник. Да к тому же собирался ехать в дом её соперницы. Юлия оскорбилась. Да что же это такое?! Все, как видно, сговорились выставить её дурой. Ну уж, нет! Она этого не допустит!

Юлия мгновенно сообразила, что делать.

– Дед рассказывал, что ваш дом стоит рядом с церковью Успения Пресвятой Богородицы в Котельниках. Я давно там не была. Может, вы сопроводите меня в этот храм, а потом пригласите в гости на чашку чая? – Она замерла в ожидании ответа.

Собеседник молчал. Юлия вспыхнула, ещё мгновение – и она выскочила бы из комнаты, но Шварценберг кивнул и без улыбки ответил:

– Почту за честь.

– Тогда поехали...

Намёк на соперницу настолько разозлил Юлию, что она в ярости сожгла для себя все мосты: специально отправилась в гости в экипаже нового кавалера – пусть вся Москва знает. И завидует.

Открытый экипаж медленно катил по улицам Москвы, и всякий желающий мог лицезреть князя Шварценберга рядом с чужой женой. Но, похоже, Юлия не считала это скандальным. Или просто манкировала приличиями. Для Александра не было секретом, насколько она избалована и эгоистична, но до сих пор это его совершенно не касалось. А что делать теперь?.. Юлия заливалась низким грудным смехом и повествовала о своих победах при дворе. Александр лишь изредка вставлял в разговор краткие фразы, а сам всё пытался понять, что же его теперь ждёт.

Впереди засверкали на солнце кресты церкви Успения Пресвятой Богородицы. Александр мысленно чертыхнулся. Он даже не представлял, что будет делать в православном храме рядом с чужой женой. Может, Юлия сама ему всё объяснит?

– Сударыня, я ведь – католик, просветите меня, ради бога. Что вы собираетесь делать в храме? – поинтересовался он.

Ответ оказался недвусмысленным:

– Я уже замёрзла, – красавица зябко повела укутанными в соболя плечами. – В храме наверняка тоже холодно. Боюсь заболеть! Поедем к вам. У вас найдётся чашка горячего чаю, а ещё лучше – рюмка водки?

– Разумеется! Что вашей душе угодно.

– Ловлю на слове, – улыбка Юлии ослепляла.

Обогнув храм, коляска, свернула в переулок. Ещё чуть-чуть, и они приедут. Как же выйти из столь щекотливого положения с наименьшими потерями? Понятно, что после водки последует ещё более скандальное предложение. Если отказаться, Юлия сочтёт его рохлей, трусом и, что хуже всего, бессильным по мужской части. Молчать о своём открытии она не станет и понесёт сплетни по всей Москве. Да-а... Перспектива не из приятных.

А кто мешает принять такое предложение, если графиня его сделает? Вот уж точно никто. Женщина замужем, за её поведением должен следить муж, а если ему всё равно, так почему посторонний мужчина должен быть святее папы римского? Не принимать же всерьёз нравоучения матери, возжелавшей, чтобы её сын держался подальше от внучки графа Литты. Смешно! Он – взрослый, холостой человек, а значит, свободен в своих поступках.

Александр бросил взгляд на свою спутницу. Что ни говори, Юлия – настоящая красotka. Чёрные глаза сияют, на щеках алеет румянец, а брови на гладком лбу словно нарисованные. Она облизнула пухлые губки, как будто собиралась съесть что-то очень вкусное.

Что же ей покажется вкуснее – водка или он сам? Александр уже принял решение и теперь рассматривал свою спутницу, пытаясь понять, что же он чувствует. Пока главенствовала ирония. Кто из них в данной ситуации смешнее? Явно не Юлия, та плюёт на мнение света и делает лишь то, что хочется ей, ну а он – фигура презабавная. Будет спать с женщиной, чтобы та не подумала, что он не умеет этого делать.

Экипаж остановился у маленьких боковых ворот в окружавшей дом массивной каменной стене. Их когда-то специально устроили для въезда в крохотный дворик флигеля, который теперь занимал Александр. Кучер свистнул, и за воротами показался Назар – единственный, кроме кухарки, слуга тётки Алины. Та, переехав в дом Чернышёвых, оставила свою прислугу в распоряжении Александра.

– Сей секунд, ваша светлость, сейчас открою! – крикнул Назар, и Шварценберг отметил, как быстро слуга узнал о том, что хозяин получил княжеский титул. Это казалось тем более интересным, что сам он Назару ничего не говорил.

«Похоже, что этот ловкач подружился с камердинером, – сообразил Александр. – На чем же они сошлись? Дай бог, чтоб не на пьянке, иначе опозорят меня перед гостьей. Как можно объяснить даме, что обещанную ей водку выпили немец-камердинер и русский дворовый мужик? Юлия просто умрёт от смеха».

Коляска остановилась у крыльца. Назар подскочил, открывая дверцу с той стороны, где сидела графиня. Самойлова расцвела улыбкой и подала ему тонкую руку в чёрной кожаной перчатке. Она скользнула взглядом по высокой широкоплечей фигуре, плутоватым глазам и льстивой улыбке. Спустилась с подножки экипажа, но руку у Назара отняла не сразу.

«Да она и дворовых не пропускает», – догадался Александр. Его нынешняя роль становилась всё незавиднее. Он поспешил вслед за своей гостьей на крыльцо. Назар уже распахнул дверь, и Юлия смело пошла в дом впереди хозяина. Александр сумел обогнать её на повороте и, прихватив за локоть, направить в маленькую гостиную своей тётки.

– Прошу, располагайтесь. Печь здесь натоплена, и вы можете снять шубу, – предложил он.
– Я ещё не согрелась. – Графиня развязала шёлковый шарф, бантом повязанный под пушистым собольим воротником.

– Как угодно...

Александр снял пальто и отдал его камердинеру, маячившему в дверях.

– Вы хотели водки, ваше сиятельство? – напомнил он.

– Алекс, зовите меня Юлией, – капризно протянула графиня. – Попробуйте, это совсем нетрудно.

– Благодарю за честь, Юлия, – с чуть заметной иронией произнёс Александр, но его гостья насмешки не услышала. Она откровенно обрадовалась:

– Вот видите, как всё просто! А водки я выпью с удовольствием.

Александр достал из буфета флягу с синей гранёной пробкой и разлил по стопкам золотистую анисовую. Одну стопку он протянул своей гостье, уютно расположившейся в углу дивана. Дама уже сняла перчатки и шляпку. Она выпила залпом и похвалила:

– Отменно! Налейте-ка ещё.

Пришлось Александру «догонять». Он выпил и снова разлил водку по стопкам. Юлия осушила и вторую. Пила она легко и привычно. Лихо! Что же будет потом? Неужели потребует ещё? Но гостья уже заметно повеселела – хмель забирал её на глазах. Юлия кокетливо улыбнулась, от чего верхняя губка её крохотного яркого рта изогнулась, приняв форму лука.

– Чем вы здесь развлекаетесь? – спросила она.

Это оказалось так неожиданно, что Александр оторопел. Сказать, что он почти не бывает в этом доме, а развлекается в других местах, было глупо. Врать об игре на фортепьяно и чтении тоже не имело смысла: в доме не нашлось бы ни инструмента, ни библиотеки. Здесь не было даже колоды карт! Молчание затягивалось, но вдруг в его памяти встала картина: тётки играют в лото. Интересно посмотреть, как отнесётся уже захмелевшая светская дама к этой детской игре.

Александр направился к буфету. Вот и шкатулка с карточками и бочонками. Он достал её и поставил на столик перед гостьей.

– Не хотите ли сыграть в лото?

– Охотно, – засмеялась Юлия. – Только я предлагаю немного изменить правила.

– И как же вы хотите это сделать?

– Бочонки станем доставать как всегда, но если на наших карточках не найдётся нужной цифры – то проигравший обязан снять с себя одну вещь. Ну как?

Юлия глядела с вызовом, а в её глазах плавилась звёздочка сладострастия. Графиня Самойлова выбрала свой приз и хотела его получить. Так что отступить было поздно...

«Да и чёрт с ним, может, вся эта история ещё окажется забавной», – решил Александр. Он достал из шкатулки бархатный мешочек с бочонками и стопку тонких деревянных пластинок, расчерченных на пронумерованные квадраты. Юлия сидела так близко. Запах её духов щекотал ноздри. Жасмин. Надо же какое совпадение – Александр всегда любил этот летний аромат... Во рту появился острый привкус. В конце концов, они просто мужчина и женщина... Природу не обманешь. Тело всё сделает за них.

– Выбирайте бочонки сами, – предложил он Юлии.

– С удовольствием, – почти промурлыкала графиня и, ослабив шнурок мешка, вытащила первый бочонок. Посмотрев на цифру, она подняла на Александра тяжёлые от хмеля глаза и объявила: – Тринадцать. Вы не суеверны?

– Нет, я не верю в приметы. Наверно, поэтому на моей карточке есть эта цифра.

Справляться с возбуждением становилось всё сложнее. Александр забрал крохотный деревянный бочонок и поставил его в нужную клетку, а потом подсказал:

– Теперь для вас.

Юлия засунула руку в мешок и достала новый бочонок. Она долго и старательно вглядывалась в цифру, похоже, не могла разобрать – хмель сделал своё дело. Как бы не пришлось возиться с перепившей бабой! Александр забрал из её рук бочонок и объявил сам:

– Шестьдесят шесть.

– У меня нет, – отозвалась Юлия, даже не глянув на свою карточку. – Я проиграла, так что снимаю одну вещь.

Она стянула с плеч шубу и бросила её на пол у печки мехом вверх. Шоколадный соболь чуть поблескивал, отливая на свету серебром. Казалось, что на полу раскинулась огромная шкура неизвестного зверя. Как можно не понять такой намёк? Скоро они окажутся на этом меху вдвоем. Юлия вытащила новый бочонок и протянула раскрытую ладошку:

– Смотрите сами.

– Восемнадцать, – определил Александр и потянул с плеч сюртук.

– Теперь мне, – радостно провозгласила графиня, окинув довольным взглядом рослую фигуру своего кавалера. Она достала бочонок и сразу отбросила его на диван: – Опять проиграла. Что бы мне такое снять? Без горничной я не смогу застегнуть платье, а уж тем более корсет. Нужно снять что-то такое, что я потом смогу надеть без посторонней помощи.

Она задрала подол, обнажив ноги в белых чулках и высоких ботинках. А потом подтянула юбки ещё выше, и взору Шварценберга открылись белые панталоны с кружевной оторочкой. Ноги были очень хороши: в меру длинные, безусловно прямые и тонкие в щиколотках.

«Интересно посмотреть на колени», – успел подумать он, и дама тут же предоставила ему такую возможность. Где-то среди моря оборок она что-то расстегнула, и панталоны скользнули вниз. Взору Александра открылись безусловно гладкие колени и молочно-белые стройные бедра, а ещё – плоский живот. Вид чёрных тугих завитков на венеринном холме искушал так, что Александр даже прикусил губу. Всё было сказано и сделано – осталось протянуть руку и взять. Но Юлия не стала ждать его решения, она сама шагнула вперёд, взяла партнёра за локоть и потянула его на пол, туда, где лежала шуба.

– Пойдем, милый, – позвала она, и низкие ноты страсти, зазвучавшие в её голосе, подстегнули Александра.

Он лёг рядом с Юлией и потянул вниз корсаж, обнажив небольшую идеально круглую грудь с тёмными сосками. Женщина оказалась именно такой, какие ему нравились: темпераментная южанка, из тех, что вибрируют под мужским телом. Возбуждение распяляло кровь, стучало в висках. Александр обнял губами шоколадный сосок и потянул, пока тот не затвердел. Его партнёрша застонала от удовольствия. Как будто приглашая, она раздвинула ноги, и Александр рванулся в бой. Он быстро расстегнул пояс, стянул панталоны и лёг между призывно манящих бедер. Ещё мгновение – и они наконец-то слились.

Юлия сладострастно постанывала. Она вбирала мужчину в себя, прижималась и отпускала. Сама задавала темп: быстрее, ещё быстрее. Она торопила, гнала, и Александру это очень нравилось. Женщина оказалась великолепной: о ней не приходилось заботиться, она сама брала своё. По телу Юлии пробежала дрожь, и Александр усилил напор. Вцепившись ногтями в его спину, женщина закричала, волны экстаза одна за другой бежали по её влажному телу. Да и у Александра всё оказалось не хуже – на удивление сильно и ярко...

...Он опомнился первым. Юлия лежала тихо. Глаза закрыты, дыхание ровное – похоже, спит. Шварценберг осторожно встал и попытался натянуть панталоны. Юлия, не открывая глаз, томно вздохнула:

– Неплохо для первого раза. А ты что думаешь?

– Согласен...

Что ещё можно сказать в таком случае Александр не представлял.

Он кое-как справился со своей одеждой. Одёрнул вниз юбки Юлии.

– Вставай, – предложил он. – Ты же не хочешь, чтобы нас застали слуги?

– Не застанут, – отмахнулась графиня. – Твой камердинер появился в дверях как раз в тот момент, когда мы упали на пол. Надеюсь, он предупредит остальных.

– Но я его не видел, – поразился Александр. Случившееся всё больше напоминало водевиль.

– Ты стоял к нему спиной...

Юлия подобрала свои панталоны. Долго возилась – перебирала многочисленные оборки, но наконец-то смогла одеться. Оправила складки корсажа и рукава, потом поднялась. Зеркала в гостиной не было, и она посмотрелась в стекло буфета. Наверно, что-то увидела, раз поправила волосы.

– Отряхни мою шубу. – Юлия хихикнула. – Теперь, встречая меня в ней на улице, ты всегда будешь помнить про наш первый раз.

Александр поднял и отряхнул шубу. Накинул её на плечи графини. Он совершенно не знал, что делать дальше. Ему уже хотелось, чтобы Юлия уехала, но выгонять светскую даму, с которой только что переспал, было совсем неприлично. В надежде, что гостыя сама догадается убраться восвояси, он выжидательно молчал. Ему повезло: Самойлова засобиралась. Она надела шляпку и стала завязывать бант под подбородком.

– Скажи своему кучеру, чтобы отвёз меня домой. Сам можешь со мной не ездить. Я не хочу беспокоить деда, а то ещё возьмётся следить за нами. Мне его подозрения ни к чему.

Графиня потянулась к Александру, закинула руки ему на шею и жарко поцеловала. Он испугался, что Юлия вновь захочет большего – слишком уж горячим и требовательным оказался этот поцелуй. Однако дама отступила и, натянув перчатки, направилась к выходу. Кучер, так и не получивший от хозяина указаний, не распряг лошадей: коляска всё ещё стояла у крыльца. Шварценберг распорядился отвезти гостью домой. Глядя вслед экипажу, он старался понять, нужны ли ему завязавшиеся сегодня отношения, но так и не смог честно ответить на этот вопрос. Решив, что жизнь сама всё расставит по местам, а пока незачем ломать голову, Александр позвал камердинера и стал собираться на вечерний раут. Сегодня он сопровождал свою милую кузину и немилую мать в гости. После столь экстравагантного свидания ехать никуда не хотелось.

«Мать обещала, что танцев не будет, только музыкальные номера и ужин, – вспомнил Шварценберг. – Значит, всё будет не так уж и плохо. Пение московских барышень я как-нибудь вытерплю, ну а ужин после нынешнего экспромта – штука очень даже полезная».

Глава седьмая. Бал в Благородном собрании

С того памятного ужина, когда Александр назвал её ангелом и поцеловал ей ладонь, прошла неделя, но Лив так и не смогла понять, как же кузен к ней относится. Он послушно сопровождал Лив и баронессу на приёмы и музыкальные вечера, а сегодня даже собирался поехать с ними на бал в Благородное собрание. Но жёсткое напряжение разлада, искрившее меж матерью и сыном, превращало милого и сердечного Александра в безупречного и равнодушного князя Шварценберга. Весёлый и заботливый друг исчез – осталась лишь красивая оболочка без малейшего проблеска чувств. Александр больше не шутил, не говорил с Лив о поэзии, казалось, он просто не замечал её.

Почему же он так изменился? Как будто ничего и не было... А может, и впрямь не было, и Лив просто ошиблась? Сомнения, одни сомнения... Что ей ещё оставалось? Только надеяться, что свинцовые тучи когда-нибудь рассеются и откроют небесную лазурь, а ледяной панцирь, сковавший душу кузена, наконец-то растает. Нынешним вечером их ждал бал. А вдруг ей повезёт и случится чудо – вдруг солнце выглянет именно сегодня? Дай-то бог! Сколько разочарований может выдержать сердце? И сколько часов ледяного молчания?..

В карете царило ледяное молчание. Александр понимал, что он должен заговорить первым, но мать так его раздражала, что не хотелось даже смотреть в её сторону. Хотя, если уж быть до конца честным, изрядную лепту в его хандру вносила и новая пассия. Искренне убежденная, что все вокруг должны быть счастливы от одного её присутствия, Юлия бесцеремонно вмешивалась в его жизнь. Она сама назначала время свиданий, приезжала к нему без предупреждения и с каждым днём становилась всё настойчивей. Она хотела владеть любовником безраздельно.

– Алекс, я считаю, что теперь ты можешь сопровождать меня на балы и приёмы, – заявила Юлия сегодня утром. – Я замужем, поэтому имею право появляться в обществе с кем захочу. А ты вообще совершенно свободен.

Александр представил себя входящим в московские гостиные под руку с Юлией, и ему стало тошно. Мелькнула шальная мысль прямо сейчас разорвать эту обременительную связь. Но как он мог обидеть женщину? Да никак... Пришлось срочно искать приличную версию для отказа:

– Я отнюдь не свободен. В Москве живёт моя мать, есть и другие родственники. К тому же я жду назначения на высокий пост в Министерстве иностранных дел. Пойми, мне совсем не хочется испортить карьеру из-за глупого проступка. Твой дед разозлится и сорвет моё назначение.

– Дед сделает то, что я ему скажу, – надулась Юлия. – Если я хочу появляться с тобой в свете, значит, ему придётся выполнить моё желание и проглотить свои обиды. Если я прикажу, он будет с тобой любезен.

Александр разозлился. Господи, ну что за женщина! Как же достучаться до её разума?

– Извини, но я не стану скандализировать общество, хотя бы до тех пор, пока твой дед не приведёт свой план в исполнение, – уже жёстко сказал он.

Юлия насторожилась.

– Какой план? Он ничего мне не говорил.

– Зато рассказывает всей остальной Москве, что собирается развести тебя с Самойловым и заставить того вернуть приданое.

Графиня предсказуемо возмутилась:

– С Ником я разводиться не собираюсь! Мой муж не так уж и плох. Он говорит, что я свободна и вольна делать всё, что захочу. Вряд ли я найду другого такого покладистого супруга.

– Вот и объясни это своему деду, а я уж, с твоего позволения, не стану переходить ему дорогу.

– Объясню, не беспокойся. Самое большее, на что я соглашусь, это разъехаться с Самойловым, а дед пусть разбирается с приданым.

Юлия завязала ленты шляпки и направилась к выходу. Уже на крыльце, как будто что-то вспомнив, она заметила:

– Я сегодня приеду в Благородное собрание. Оставляю тебе вальс на этом балу!

Вовремя прикусив язык, чтобы не чертыхнуться, Александр проводил её.

Собираясь на бал, он старался предугадать, как всё сегодня сложится. Позору не оберёшься, коли эта тигрица станет заявлять свои права на глазах матери и Лив. Ну а если этот концерт увидит старик Литта, можно вообще сушить вёсла. Мать, почитай, каждый день напоминает, что её сын должен держаться подальше от внучки всесильного графа.

Александр пока отмалчивался, делал вид, что не слышит. Но если вдруг Юлия позволит себе какую-нибудь вольность, баронесса не смолчит. Устроит публичный скандал. Твёрдо решив, что он ни за что этого не допустит и, если понадобится, силой увезёт мать из Благородного собрания, Александр отправился к Чернышёвым.

Баронессы в гостиной не было – ему навстречу вышла Лив. Как же она была прелестна: глаза сияли, а улыбке цвела нежность.

«Ангел! В белом она ещё больше похожа на ангела», – оценил Александр. И дело тут не в красоте, а в её золотом сердце. Шварценберг поцеловал тонкие пальцы в белой паутинке кружев и задержал руку Лив в своих. Он перевернул её кисть и уже собрался поцеловать ладонь, но его испугал злобный рёв:

– Ты что это себе позволяешь?! – орала, стоя в дверях, его драгоценная мать.

Гнев обрушился на Александра с яростью голодного медведя. Он еле совладал с собой, чтобы не ответить таким же криком. Мысленно досчитав до десяти, он чуть успокоился и сквозь зубы предложил всем садиться в карету. Мать, как ни странно, послушалась. Отыгралась она уже в экипаже, наградив сына ледяным молчанием. Если бы не присутствие бедняжки Лив, Александр оставил бы всё как есть, но девушка явно страдала в этой гробовой тишине, и, собравшись с мыслями, он начал разговор:

– Как ваши дела, Лив? Вы больше не занимаетесь вокалом?

– Нет, к сожалению. Лорд Джон уехал в Англию, – чуть слышно отозвалась кузина.

Ее голос дрогнул. Что это? Страх или слёзы? Чёрт бы побрал и мать, и его самого! Устроили войну, а бедняжка страдает!

– Если вы захотите, можно найти другого учителя. Вы только разрешите, я отыщу самого лучшего, – предложил Александр.

Лив благодарно улыбнулась, но отказалась:

– У меня и был самый лучший. Я подожду его возвращения, если, конечно, сама не уеду в деревню. Я соскучилась по Вере и бабушке.

Тут уж не вытерпела Евдоксия:

– Что за глупости ты несёшь, Лив! – оскорбилась она. – Зачем пропускать сезон, прячась в деревне? Может, через месяц-другой ты уже будешь обручена. Присмотрись к кавалерам на этом балу. Незачем терять время у твоей Волконской, нужно танцевать на балах и смотреть на подходящих молодых людей. Я уже имею кое-кого на примете. Старший сын у Козловских – очень приятный молодой человек. Я вас сегодня же познакомлю.

Голос Александра прогремел в тесном экипаже с силой громового раската:

– Маман, Козловский – игрок, как и все в его роду. Вы так осуждаете Николая Самойлова, спускающего за картами деньги своей жены, а Лив предлагаете в мужья такого же игрока!

Александр не сомневался, что этого мать ему не спустит. Размажет по стенке, сотрёт в порошок. Но и молчать он не собирался. О чём она только думает? Хорошенькая идея – отдать светлого ангела распутному негодяю!

Как он и предполагал, баронесса в долгу не осталась:

– Что за бред? Козловские – почтенное семейство! Возможно, что сейчас они не так богаты, как раньше, но ведь твоя кухня не бесприданница.

Лив молчала. В полутьме кареты Александр не мог рассмотреть её лицо, но почему-то сразу понял, как противны ей речи баронессы.

Наконец-то прибыли в Благородное собрание. Шварценберг вышел первым и помог дамам. Сначала из кареты появилась мать, а потом в его ладонь легла тонкая рука в кружевной перчатке. При свете фонарей Александр рассмотрел лицо Лив. Она была так печальна, что он не удержался и, склонившись к её уху, спросил:

– Что вас так расстроило?

– Нет, ничего! Благодарю...

– Я обещаю, что мать не сделает вам ничего дурного. И жениха не навяжет.

– Спасибо, – прошептала Лив и крепко сжала его пальцы.

Вот так-то лучше! Александр успокоился и даже повеселел. Он передал шубы лакею и повёл своих дам в Колонный зал.

Колонный зал. Сколько же здесь гостей! Сколько любопытных глаз... Лив задыхалась от волнения, её спутники не подозревали, что этот бал будет для неё первым. Её не раз приглашали на званые вечера с танцами, но настоящий бал – это впервые. Каким он окажется? По крайней мере, зал не разочаровал: тот был именно таким, как в её мечтах – огромным и величественным, с чередой беломраморных колонн и исполинских золочёных люстр... Как жаль, что здесь нет ни мамы, ни сестёр. Если бы не присутствие Александра, Лив, наверно, совсем растерялась бы. Но сейчас кузен стоял рядом. Он так по-рыцарски относился к ней, защищал от нападок своей матери...

Конечно же, его поведение могло оказаться всего лишь простой любезностью светского человека, но Лив очень хотелось поверить в сказку, в то, что этот взрослый и прекрасный рыцарь, начинает любить её так же, как она любит его. Эта мысль согревала душу. Лив скосила глаза, пытаясь рассмотреть лицо своего кумира. Александр был серьёзен. Ни улыбки, ни тёплого взгляда... О чём он думает? У него такой вид, будто приехал не на бал, а куда-нибудь в присутствие. Надежды оказались напрасными. Лив в мыслях кузена точно не было.

Но эта догадка не испортила настроения, ведь у Лив всё равно остались надежды и мечты. Лучше уж жить мечтами, чем знать правду, если эта правда так печальна.

По знаку распорядителя вступил оркестр. Начались танцы. Полонез Лив танцевала с Александром. На кадрили её пригласил друг детства Вася Оборин, а потом у неё уже не было отбоя от кавалеров. Это оказалось необычайно приятно. Ведь в зале, не отрывая от неё внимательных глаз, стоял тот, кто занимал все её мысли.

Закончился гавот, и очередной кавалер, имя которого Лив мгновенно забыла, вернул её под надзор опекунши.

– Отдохни, дорогая, побудь рядом со мной, – предложила баронесса.

– Хорошо, тётя, – послушно откликнулась Лив.

Она стояла так близко к Александру, что ощущала исходящее от него тепло. Лив даже задержала дыхание, боясь разрушить эту связь. Подняла глаза и встретила ласковый взгляд. Кузен нежно ей улыбнулся:

– По-моему, вы сегодня затмили всех.

– Спасибо, – отозвалась Лив и рассмеялась. О чудо! – в её голосе зазвучали низкие, грудные нотки. Так говорят только очень счастливые женщины.

Лив даже испугалась, что тётка заподозрит её, но баронессу отвлекли. Перед их компанией появилась очень красивая молодая дама. Её черные глаза светились лукавством, а пухлые карминно-красные губки сложились в очаровательную улыбку. Не слишком высокая, она была великолепно сложена, покатые белоснежные плечи и низко открытая тугая грудь выступали из пены кружев на её корсаже.

– Добрый вечер, баронесса, – сказала красавица и, не дожидаясь ответа Евдоксии, повернулась к Александру. – Князь, я оставила вам вальс, и поскольку вы ещё не начали искать меня в зале, решила облегчить вам поиски.

Она протянула руку мгновенно помрачневшему Шварценбергу и потянула того за собой на середину зала. Баронесса так и осталась стоять, глядя им в спину. Лив не могла понять, что всё это значит. Впрочем, тётка Евдоксия быстро обрела дар речи:

– Я же велела ему держаться подальше от внучки графа Литты, – зашептала она на ухо Лив. – Вот приедем домой, я устрою ему такой разгон, что он сильно пожалеет о своей дерзости. Графиня Самойлова замужем, значит, не должна танцевать на сегодняшнем балу, а она специально приехала и вальсирует тут с моим сыном. Где это он мог увидеться с Юлией, что она пообещала ему вальс?

Неужели Евдоксия этого не понимает?.. Нет! Всё она понимает, просто сохраняет хорошую мину при плохой игре... Счастливое настроение Лив мгновенно исчезло, как будто его и не было. По сердцу вновь заскребла когтями горькая тоска. Самойлова вела себя с Александром как хозяйка, и, значит, имела на этого право. Лив вдруг чётко поняла, что её мечты никогда не сбудутся. Какой взаимности она хотела? Это просто смешно!.. Есть только одна правда: Александр танцует вальс с молодой и красивой любовницей.

Глава восьмая. «Письмо Татьяны»

У него есть любовница! Это открытие просто убивало. Лив так и промучилась всю ночь, вспоминая Алекса, кружащего в танце красотку Самойлову. Задремала она лишь под утро, но выспаться ей не удалось – горничная прибежала будить её:

– Вставайте, барышня! Ваша тётушка приехала прощаться. Говорит, что больше не сможет повидаться с родными до отъезда.

– Полина здесь? – переспросила Лив, с трудом выбираясь из сумбурного и унижительного сна, где она скандалила с тёткой Евдоксией и черноглазой любовницей Александра.

– В гостиной вас ждёт, кофе пьет с младшей сестрицей, – доложила Саня.

– А Евдоксии нет?

– Ещё не изволили встать...

Лив обрадовалась. По крайней мере, она сможет провести утро с приятными её сердцу людьми. Она быстро оделась и спустилась в гостиную. Тётки уютно расположились за маленьким кофейным столом: Полина устроилась в углу высокого резного дивана, а Алина утонула в подушках глубокого кресла. Обе дамы пили кофе и ели тёплые булочки. Судя по их довольным лицам, сёстры наслаждались приятной беседой и отсутствием Евдоксии. Первой увидела племянницу Полина, она в восторге всплеснула руками и объявила:

– Лив, ты всё хорошеешь! Думаю, что ещё несколько месяцев – и ты станешь самой красивой девушкой Москвы. Как бы мне не пропустить твою свадьбу!

Лив отмахнулась:

– Ну, тётя, вы просто не видели нынешних московских красавиц – например, Александру Римскую-Корсакову. Вчера на балу все головы свернули, наблюдая, как она идёт по залу.

– Ну что сравнивать: Александра – уже в годах, ей надо равняться на своих ровесниц, а ты – самая красивая дебютантка, – не согласилась с ней тётка.

– Да уж, – поддакнула Алина, – у Александрин Корсаковой другой круг поклонников, чем у тебя: там люди более зрелые, солидные, а молодые ей уже не подойдут.

Выдав это замечание, Алина вдруг почему-то покраснела. Кровь полыхнула на её щеках, сделав их свекольными. Сестра испытующе глянула ей в глаза и тихо хмыкнула:

– Ты, как видно, хорошо в этом разбираешься.

– А в чём тут разбираться? – прошептала Алина. Она пылала, как фонарь: теперь горели не только щёки, но и лоб, а плоская грудь в вырезе платья порозовела.

Пожалев сестру, Полина отвела взгляд и обратилась к Лив:

– Ну и как прошёл бал?

– Хорошо...

И зачем только тётя спросила? Лив не умела врать и теперь заливалась краской, как прежде Алина.

– Да что с вами обеими происходит?! Мне кто-нибудь это объяснит? Как я уеду, если не смогу быть спокойной за вас обеих? – расстроилась Полина.

– Езжай хоть завтра, у нас всё хорошо! – ответила ей младшая сестра. Щёки Алины по-прежнему горели, а чашка в её руке заметно дрожала.

Полина обняла Лив и заглянула ей в глаза:

– Дорогая, может, ты развеешь мои сомнения? Я подозреваю, что на вчерашнем балу Евдоксия опять что-нибудь учудила, и тебе досталось...

Что сказать? Не признаваться же в несчастном увлечении собственным кузеном. Язык просто не поворачивался назвать вещи своими именами. Но и врать не хотелось – Полина этого не заслужила. Оставалась лишь полуправда, и Лив сказала:

– Алекс до сих пор в ссоре с матерью. У них сейчас очень плохие отношения, и мне тяжело находиться с ними рядом.

– Бедняжка, – пожалела её Полина. Она помолчала и горестно вздохнула. – Хочешь, я никуда не поеду?

Но Лив не могла принять такой жертвы.

– Нет, что вы! – воскликнула она. – Поезжайте! Скоро придёт письмо от Веры, и я уеду в деревню.

– Действительно, дорогая, что ты выдумываешь? – поддержала племянницу Алина. – Мы все знаем, сколько лет ты мечтала об этом паломничестве. Ещё не хватало, чтобы оно сорвалось из-за какой-нибудь ерунды.

Но Полина по-прежнему хмурилась. Лив никогда не видела её такой озабоченной. Тётка схватила её за руку и просительно заглянула в глаза:

– Поедем со мной! Я оставлю служанку здесь. Зачем она мне в путешествии? Тогда мы сможем вдвоем поместиться в моей каюте. Монахини тоже будут жить очень тесно.

Лив оторопела. Она не знала, что и ответить, но тут вмешалась Алина:

– Почему ты говоришь, что с тобой поедут только монахини? Что, разве вас не будут охранять мужчины с оружием?

– Мы едем к Гробу Господню, нас будет оберегать Провидение. Ничего плохого с нами не случится.

Алина изменилась в лице.

– Какая неосторожность! – ужаснулась она. – Что ты говоришь? Ехать на другой конец света, не имея охраны?! А если каким-нибудь дикарям приглянутся ваши скромные пожитки? Или кто-то решит, что вы везёте с собой деньги и драгоценности? Я не отпущу тебя одну. Просто лягу на пути твоей кареты! Ты должна взять с собой хотя бы Назара. Он сейчас прислуживает Алексу, но наш племянник – человек небедный, он сможет нанять себе другого слугу. Умоляю, не возражай и не отказывайся! Иначе я здесь умру от тревоги. Всё очень просто: я отправлю с тобой Назара, а ему мы дадим папины пистолеты. Если ты велишь, то он будет охранять не только тебя, но и всех твоих спутниц.

– Полно, Алина! Куда я дену охранника на корабле? У нас есть каюты только для женщин.

– И что? Паруса тоже будут ставить монахини?

Полина откровенно растерялась. Тихоня Алина – и вдруг такой напор. Может, сестра всё-таки права? И Полина сдалась:

– Конечно, паруса ставят матросы. Понятно, что весь экипаж состоит из мужчин. Наверно, можно было бы устроить Назара с командой, но тогда нужно поговорить с сестрой Феодорой. Это она фраговала для нас места на корабле.

– Вот и поговори. Я всё равно не отпущу тебя без охраны!

– Ну хорошо, я подниму этот вопрос, и, если монахини не возражают, мы возьмем с собой Назара. Признаю, что определённая справедливость в твоих словах есть – всё-таки мы едем в другую страну, да ещё и с другой верой.

Полина вдруг осознала, что Лив давно и грустно молчит, и тётка заворковала:

– Съешь булочку, дорогая, ты ведь ещё не завтракала... Кофе хочешь, или сказать, чтобы тебе принесли чай?

Лив откусила кусок ещё тёплой булки. Она только собралась порасспросить тётку о будущем путешествии, когда в дверях гостиной показался высокий блондин в чёрном. Лив даже не сразу сообразила, что это Эрик фон Масс. С момента своего появления в доме немец вёл себя деликатно – старался не мозолить хозяевам глаза, и Лив всё время о нём забывала.

– Доброе утро, ваше сиятельство, – по-французски обратился фон Масс к тётке Алине. Затем поклонился остальным дамам, – мадам, мадемуазель...

– Здравствуйте, месье. – Алина просияла улыбкой, и на её щеках вновь вспыхнул румянец. – Как продвигаются ваши дела?

Глаза на грубоватом лице немца блеснули, а широкая улыбка сделала его моложе и привлекательней. Восторженно глядя в лицо Алины, он доложил:

– Не так хорошо, как хотелось бы. Его светлость не спешит войти в курс дел по принятию наследства. Я уже начинаю беспокоиться. Вы понимаете, что моё долгое отсутствие в поместьях может губительно сказаться на положении дел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.